

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2024

№ 31

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Н.А. Мишанкина (Томск, Россия) –
главный редактор
Т.А. Демешкина (Томск,
Россия) – зам. главного редактора
С.С. Земичева (Москва, Россия) –
отв. секретарь
Н.В. Свада (Томск,
Россия) – зам. отв. секретаря

Natalya A. Mishankina (Tomsk,
Russia) – Editor-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina (Tomsk,
Russia) – Deputy Editor-in-Chief
Svetlana S. Zemicheva (Moscow,
Russia) – Executive Editor
Natalya V. Svada (Tomsk,
Russia) – Deputy Executive Editor

В.Ю. Апресян
(Москва, Россия)
Н.Д. Голев
(Кемерово, Россия)
А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова
(Томск, Россия)
В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Мызников
(Москва, Россия)
А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде
(Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш
(Грац, Австрия)
Е.А. Юрина (Москва, Россия)
И. Янышкова
(Брно, Чехия)

Valentina Yu. Apresyan
(Moscow, Russia)
Nikolai D. Golev
(Kemerovo, Russia)
Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova
(Tomsk, Russia)
Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)
Sergey A. Myznikov
(Moscow, Russia)
Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)
Olga V. Felde
(Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš
(Graz, Austria)
Yelena A. Yurina (Moscow, Russia)
Irena Janyšková
(Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Воронцов Р.И. Нормативно-стилистический толковый словарь как «моментальная фотография» современного словоупотребления: новый взгляд на учение Ю.С. Сорокина	5
Коваленко К.И., Колосова В.Б. Названия растений в Словаре Академии Российской (1789–1794): источники и принципы лексикографирования	23

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Иллюстративная зона регионального словаря: структура и содержательный потенциал интенционально фрагментированных воспоминаний носителей говоров	43
Томилова А.И. Современный словарь псевдоэквивалентов французского и русского языков	63
Юрина Е.А., Балдова А.В. Русская пищевая метафора как объект идеографической лексикографии	81

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Vorontsov R.I. The normative-stylistic explanatory dictionary as an “instant photograph” of the contemporary language use: Yury S. Sorokin’s theory revisited	5
Kovalenko K.I., Kolosova V.B. Plant names in the Dictionary of the Russian Academy (1789–1794): Sources and lexicographic representation principles	23

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Borisova O.G., Kostina L.Yu. The illustrative area of a regional dictionary: Structure and content potential of intentionally fragmented recollections of sub-dialect speakers	43
Tomilova A.I. Modern dictionary of French and Russian pseudoequivalents	63
Yurina E.A., Baldova A.V. Russian food metaphor as an object of ideographic lexicography	81

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Научная статья

УДК 81.374.3

doi: 10.17223/22274200/31/1

Нормативно-стилистический толковый словарь как «моментальная фотография» современного словоупотребления: новый взгляд на учение Ю.С. Сорокина

Роман Игоревич Воронцов¹

¹ *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
Россия, roman.vorontsov.86@gmail.com*

Аннотация. Рассмотрены основные положения и генезис учения Ю.С. Сорокина о нормативно-стилистическом толковом словаре. Данная концепция, отличающаяся взвешенным подходом, позволяет сегодня скорректировать наше видение путей развития академической толковой лексикографии. Показано, что идеи Ю.С. Сорокина имеют большое значение для словарной типологии, они помогают лексикографу сосредоточиться на решении подлинной задачи нормативного толкового словаря – кодификации литературной нормы для ее сохранения в культурной памяти нации.

Ключевые слова: Ю.С. Сорокин, современный русский литературный язык, лексикография, толковый словарь, нормативность, историзм, нормативно-стилистический словарь

Для цитирования: Воронцов Р.И. Нормативно-стилистический толковый словарь как «моментальная фотография» современного словоупотребления: новый взгляд на учение Ю.С. Сорокина // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 5–22. doi: 10.17223/22274200/31/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/31/1

The normative-stylistic explanatory dictionary as an “instant photograph” of the contemporary language use: Yury S. Sorokin’s theory revisited

Roman I. Vorontsov¹

¹ *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russian Federation, roman.vorontsov.86@gmail.com*

Abstract. The article reconsiders Yury S. Sorokin’s theoretical approach (1967) to the type of the normative-stylistic explanatory dictionary of the modern Russian language. The fundamentals of the theory are discussed, together with its genesis and significance for the current Russian lexicographic process. Having been elaborated more than half-century ago, Sorokin’s concept, which is characterized by an in-depth, well-balanced, and consistent approach to the solution of fundamental problems of explanatory lexicography, is now especially relevant and important. The appeal to Sorokin’s theory allows adjusting our way of looking at the development of this lexicographic field, which is evaluated today as quite spontaneous and inconsistent. The idea of a normative-stylistic dictionary as the central type among academic dictionaries (tracing back to Lev V. Shcherba’s classical theory) brings to light such key attributes of a normative description of the Russian literary vocabulary as systematicity and synchronicity. Moreover, thanks to Sorokin’s balanced theoretical approach, lexicographers obtain a well-reasoned opportunity to create a complex description of vocabulary with respect to its functional-stylistic and chronological differentiation. An essential feature of Sorokin’s theory determining its super-temporal nature is the provision for a harmonized combination of various vectors of lexicographic description, which at the same time does not grow into inconsistency and compromise. The article shows that Sorokin’s theory is of prime importance for the typology of Russian explanatory dictionaries as it helps lexicographers to override various radical concepts (from a thesaurus-like dictionary to a prescriptive (or even prohibitive) dictionary) and to come into a medial position that will only allow focusing on the true task of normative explanatory lexicography, i.e. the codification of the literary language norm for the purpose of its conservation in the nation’s cultural background.

Keywords: Yury S. Sorokin, modern Russian literary language, lexicography, explanatory dictionary, normativity, historicism, normative-stylistic dictionary

For citation: Vorontsov, R.I. (2024) The normative-stylistic explanatory dictionary as an “instant photograph” of the contemporary language use: Yury S. Sorokin’s theory revisited. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 31. pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/31/1

Вводные замечания

В последнее время неоднократно отмечалось, что современный лексикографический процесс в России, протекающий в условиях «лексикографического бума» [1], «лексикографического невроза» [2], отличается особой стихийностью, проявляющейся в резком росте количества и многообразия издаваемых словарей при далеко не однозначном качестве многих из них [3]. Даже если сосредоточить внимание на качественных словарных продуктах, можно легко заметить отсутствие единой стратегии в их разработке. Так, *академическая толковая лексикография*, до сих пор формально опирающаяся на типологическую трихотомию С.И. Ожегова (большой – средний – краткий толковые словари) [4. С. 91–92], на практике развивается вне этой системы. Традиционно выделяемые типы толковых словарей сближаются друг с другом (порой до полного отождествления), и в то же время создаются новаторские словари, построенные на оригинальных авторских концепциях. Типологическая система толковых словарей русского языка сегодня в значительной степени разрушена реальной лексикографической практикой, в связи с чем проблема словарной типологии, способной выполнять не только классифицирующую, но и прогностическую функцию, приобретает особую актуальность [1. С. 8].

Толковая лексикография имеет большое социальное и государственное значение. Толковый словарь литературного языка кодифицирует различные виды действующих норм: от лексико-семантических и стилистических до орфографических и орфоэпических; он является инструментом социальной и правовой оценки высказываний, создает фундамент государственной языковой политики. Все это говорит о том, что проекты, реализуемые в области нормативной толковой лексикографии, должны быть в большей степени скоординированы друг с другом, а в идеале их разработка должна осуществляться в рамках единой научно-практической программы.

Чтобы хотя бы отчасти приблизиться к этому идеалу, необходимо, прежде всего, определиться с содержанием и соотношением фундаментальных категорий толковой лексикографии, среди которых клю-

чевой является категория **нормативности**. По данному вопросу существует большая литература, обзор которой занял бы много места. В настоящей статье мы остановимся на одной из концепций, которая, по нашему мнению, представляет собой наиболее перспективный взгляд на природу нормативного толкового словаря.

Эта концепция изложена в статье Юрия Сергеевича Сорокина «О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка» (1967) [5]. Ю.С. Сорокин широко известен как историк русского языка Нового времени, автор капитальных трудов по русской исторической лексикологии; именно он (вместе с Л.Л. Кутиной) стоял у истоков исторических словарей русского языка XVIII и XIX вв. Но не менее значимый вклад Сорокин внес и в лексикографию современного русского языка: как практик (редактирование томов Большого и Малого академических словарей) и как теоретик (разработка концепции первого Словаря новых слов (совместно с Н.З. Котеловой), обсуждение перспектив развития советской толковой лексикографии) (подробно см.: [6]).

Идея нормативно-стилистического толкового словаря была предложена Ю.С. Сорокиным в рамках дискуссии, развернувшейся в лексикографическом сообществе сразу после завершения работы над 17-томным «Словарем современного русского литературного языка» (1948–1965) (далее – БАС-1) [7], когда были отчетливо обозначены огромные достоинства и недостатки этого масштабного словарного проекта. Главным противоречием БАС-1 было признано совмещение **нормативного** описания лексики современного языка с попыткой отражения его **исторической** динамики, которое часто вынуждало лексикографов принимать непоследовательные решения. Этот компромисс затрагивал почти все аспекты словарного описания: от построения семантической структуры слова и его функционально-стилистической характеристики до подачи орфографических и грамматических вариантов [8. С. 13]. Дальнейшее развитие лексикографии требовало так или иначе разрешить данный конфликт, и именно в связи с этим было принято решение о разграничении задач описания современного языка и языка предшествующих эпох в словарях разных типов: толковых и исторических [5. С. 25; 9. С. 25].

В ходе дискуссии высказывались мнения, что толковый словарь современного русского языка должен охватывать источники, относящиеся к краткому периоду (с начала XX в., или с 1917 г., или с конца

1930-х гг.). Однако такие узкие хронологические рамки не позволили бы учесть ту важнейшую роль, которую играют в формировании современной литературной нормы тексты классической русской литературы, известные каждому современнику, получившему по меньшей мере среднее образование. Но как гармонизировать использование таких источников с принципом описания современного языка в нормативном толковом словаре? Ответ на этот вопрос был дан в статье Ю.С. Сорокина: его концепция нормативно-стилистического словаря предоставила лексикографам возможность последовательно описывать современную литературную норму с учетом ее функционально-стилистического и хронологического расслоения.

Новаторские идеи Ю.С. Сорокина, опиравшиеся на традицию осмысления вопросов лексикографии, заложенную в конце 1930-х гг. Л.В. Щербой, послужили основой для второго издания 4-томного «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1981–1984) [10], который сегодня получает новое воплощение в «Академическом толковом словаре русского языка» [11]. Большой академический словарь во втором и третьем изданиях [12, 13], напротив, остался верен своему первоначальному компромиссному замыслу, который на современном этапе, безусловно, требует капитальной ревизии. Представляется, что взгляды Сорокина на природу нормативно-стилистического словаря современного русского языка могут способствовать уточнению типологических характеристик современных толковых словарей и тем самым помогут выработать комплексную программу развития академической толковой лексикографии.

Генезис и основные положения концепции Ю.С. Сорокина

Ю.С. Сорокин выводит тип нормативно-стилистического словаря из описанного Л.В. Щербой в «Опыте общей теории лексикографии» (1940) типа академического (нормативного) словаря [14. С. 265–278]. Идеи Сорокина, в сущности, лежат в русле щербовской типологии, однако опыт теоретической и практической словарной работы, приобретенный советскими лексикографами за прошедшую четверть века, позволяет ему детализировать первоначальную концепцию.

К середине 1960-х гг. в СССР было реализовано несколько крупных словарных проектов. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (далее – ТСУ) [15] стал первым словарем, ре-

шающим задачу нормативно-стилистического описания русской лексики, для чего была разработана «густая сетка помет, характеризующих круг и особенности употребления слов» [5. С. 23]. Система помет стала важнейшим наследием ТСУ, в сокращенном виде она используется лексикографами по сей день. «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой в первом издании (далее – МАС-1) [16] оказался близким по замыслу к ТСУ, но в отличие от последнего в нем уделено много места литературным цитатам, что в свою очередь приблизило МАС-1 (словарь среднего типа) к БАС-1 (словарю большого типа) с его компромиссной концепцией, предполагающей совмещение нормативного и исторического описания словарного состава. Размышление о накопленных толковой лексикографией успехах и противоречиях, равно как и о путях ее дальнейшего развития, возвращает Ю.С. Сорокина к типологии Л.В. Щербы.

Опираясь на известное положение Щербы о том, что в основе нормативного словаря «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [14. С. 266], Сорокин формулирует тезис о нормативно-стилистическом словаре как «*моментальной фотографии современного словоупотребления*» [5. С. 27]. Такой словарь должен зафиксировать языковые средства, относящиеся ко *всем* функционально-стилистическим разновидностям *литературного* языка, в соотношении, актуальном для текущего момента языковой синхронии. Его основная задача – «оценить разнообразный лексический материал с точки зрения ныне действующих норм, с учетом возможных их колебаний» [5. С. 27]. При этом нормативно-стилистический словарь должен описывать литературную норму как единый статичный объект, обладающий свойством внутренней динамики (проявляющейся в вариантности и функционально-стилистической дифференциации), но лишенный динамики внешней, исторической: «...в случае нормативного словаря интересует не то, как, когда и при каких условиях сложились современные нормы, а то, что они есть (разрядка Ю.С. Сорокина. – *Р.В.*), существуют, действуют» [5. С. 27]. Именно этим объясняется право (и даже обязанность) лексикографа использовать при составлении нормативно-стилистического словаря *современного* русского языка источники XIX – начала XX в.: тексты классической литературы

играют не меньшую роль в осознании современниками литературной нормы, чем тексты текущего момента.

Согласно учению Л.В. Щербы, типобразующей чертой нормативного словаря является то, что он описывает лексическую *систему* языка [14. С. 270]. При этом языковая система понимается Щербой в единстве с двумя другими аспектами речевых явлений – *речевой деятельностью* («процессы говорения и понимания») и *языковым материалом* («совокупность всего говоримого и понимаемого») [14. С. 24–26] и, следовательно, выходит за рамки структуралистского представления о виртуальной системе *языка*, противопоставленной *речи*, в которой она объективируется. В щербовской интерпретации, помимо собственно структурных соотношений между элементами языковой системы, ее неотъемлемыми атрибутами являются функциональность (языковые средства в реальном речевом употреблении) и социальная обусловленность (языковые средства с точки зрения их пригодности для взаимопонимания собеседников в разных сферах использования языка).

Такое комплексное понимание феномена языковой системы позволяет Ю.С. Сорокину (вслед за Л.В. Щербой) точно определить специфику сложного и многомерного объекта нормативного толкового словаря: к нему относятся и структурные связи между элементами лексической системы, и их функциональные роли, и социальные, территориальные, возрастные особенности словоупотребления, и отнесенность слов к активному или пассивному словарному запасу [5. С. 26]. Более того, нормативный словарь должен быть «словарем, показывающим многообразие лексической системы, должен определить разную степень употребительности отдельных фактов, их приуроченность к определенным речевым модусам отдельных социальных групп, их связь с определенными особыми функциями литературной речи, с отдельными ее разновидностями, стилями» [5. С. 26]. Значимость отражения в нормативном словаре функционально-стилистического расслоения словарного состава и делает его *нормативно-стилистическим*.

Таким образом, говоря современным языком, главными свойствами лексики литературного языка как объекта нормативно-стилистического словаря признаются **системность** (в широком понимании, учитывающем социальную и функциональную дифференциацию словоупотреблений) и **синхронность** (которая позволяет описы-

вать словарный состав как единый функционирующий в речи объект). Такое представление помогает Ю.С. Сорокину дать ответы на два принципиальных вопроса толковой лексикографии: о хронологических рамках словаря и об ограничениях его словника.

До статьи Ю.С. Сорокина споры лексикографов об историческом отрезке, охватываемом словарем современного русского литературного языка, сводились в основном к тому, где следует провести нижнюю временную границу. Итоговая позиция в решении этого вопроса сформулирована В.В. Виноградовым: «...словарь такого типа может охватывать лишь не очень длительный промежуток, в течение которого не происходило частой и множественной смены лексических систем, а также резких преобразований стилей литературного языка» [9. С. 8]. Развивая этот тезис, Сорокин не соглашается с учеными, слишком буквально понимающими хронологический охват словаря и предлагающими ограничить круг источников материалами самого последнего времени, называя при этом конкретные даты и временные срезы. При такой, в сущности, микродиахронической трактовке «не-вольно происходит подмена задач нормативной характеристики задачами исторического описания лексики» [5. С. 27]. В действительности же, по Сорокину, от определения нижней хронологической границы современного нормативно-стилистического словаря вообще следует отказаться, поскольку в нем важно показать не то, как формируется норма на протяжении некоторого исторического периода, а то, как она осознается современниками и функционирует в их речевой практике. Поэтому «речь должна идти не столько об ограничении круга источников (тем или иным хронологическим отрезком. — *Р.В.*), сколько прежде всего о принципе отбора материала из них» [5. С. 27]. В нормативно-стилистический словарь должно попасть все то, что имеет отношение к современной норме, даже если для этого потребуются обращение к русской классической литературе XIX в.

Проблема нормативности толкового словаря определяет принципы формирования его словника. И здесь возможны два полярных мнения: одни полагают, что в нормативный словарь «не должно включаться все, что не является вполне нормальным и ограничено в своем употреблении», другие, напротив, опасаются, что такая установка может привести к обеднению словаря [5. С. 28]. Сорокин занимает в этом вопросе срединную позицию, с одной стороны, утверждая, что «нормативно-стилистический словарь должен быть достаточно широким и

по своему словнику, и по разработке особенностей словоупотребления», а с другой стороны, обосновывая важный ограничительный фактор «интерпретация всех этих (языковых. – Р.В.) фактов должна соответствовать современной норме» [5. С. 28]. Таким образом, главным условием для включения той или иной единицы в словарь является ее адекватная *нормативно-стилистическая оценка*. Это означает, что в нормативно-стилистическом словаре должны найти свое место не только общеупотребительные нейтральные единицы, но и такие слова, употребление которых до известной степени ограничено. Словарь, конечно, не должен включать окказиональные словоупотребления, а также устаревшую, диалектную, специальную лексику, не характерную для современного литературного языка, но в то же время «эти ограничения меньше всего должны затрагивать то, что является живым для нашего употребления, что продолжает оказывать то или иное влияние на него» [5. С. 29].

Нормативность толкового словаря, по Сорокину, является не столько количественной категорией, связанной с численным объемом словника, сколько категорией качественной – предполагающей системное описание и нормативно-стилистическую оценку слов, относящихся ко всем функционально-стилистическим разновидностям литературного языка. Важнейшим инструментом такой оценки является *система стилистических помет*. Сорокин критически анализирует пометы, используемые в существующих толковых словарях, и делает вывод о неопределенности их содержания и непоследовательности применения. Задачей нового словаря, по его мнению, должна стать выработка «продуманных характеристик», в основу которых должен быть положен «принцип функциональных различий в литературном языке», а кроме того «шире и тоньше должны быть выделены различные типы стилистической тональности слова, связанные во многом с особой экспрессией, заключенной в них» [5. С. 31]. Со своей стороны подчеркнем, что задача разработки непротиворечивой системы функционально-стилистических и эмоционально-экспрессивных помет для нормативного толкового словаря до сих пор не решена в академической толковой лексикографии...

Концепция нормативно-стилистического словаря современного русского языка как «моментальной фотографии» современного словоупотребления, предложенная Ю.С. Сорокиным в продолжение идей основоположника отечественной теории лексикографии – Л.В. Щер-

бы, стала фундаментальным основанием для дальнейшего развития словарного дела. Будучи историком русского языка Нового времени, Сорокин глубоко понимал тонкие различия между нормативным и историческим описанием лексики и, как представляется, именно поэтому противопоставил свой взгляд сложившемуся при разработке БАС-1 компромиссу. Реализация принципа историзма на *справочном* уровне (характерная для БАС-1 и его позднейших изданий) не могла быть признана сколько-нибудь удовлетворительной, и отказ от нее позволил выстроить непротиворечивую концепцию нормативно-стилистического словаря. Однако сегодня – на новом этапе технологического развития – мы снова приходим к тому, чтобы попытаться решить задачу «соединения синхронического и диахронического рассмотрения словарного состава» в толковом словаре [17. С. 140]. Теперь это решение может (и должно) быть избавлено от противоречий прошлого, и, на наш взгляд, важнейшим основанием для него должна стать концепция Ю.С. Сорокина, выработанная более полувека назад.

Значение идей Ю.С. Сорокина для современной толковой лексикографии

Отличительными чертами концепции Ю.С. Сорокина являются глубокая продуманность, взвешенность и непротиворечивость. Она основана на лучших образцах теоретического осмысления лексикографической проблематики и на обширном опыте практической словарной работы. Что немаловажно, концепция имеет сугубо научные предпосылки и, как кажется, полностью независима от случайных конъюнктурных факторов. Благодаря всему перечисленному учение Сорокина о нормативно-стилистическом словаре носит, в сущности, вневременный характер и будет еще долго сохранять свою актуальность.

Отказ Ю.С. Сорокина от традиционно сложившихся в академической лексикографии компромиссов не привел к радикализации его теории. Напротив, по многим ключевым вопросам он занимает строго выверенную срединную позицию. Это представляется особенно важным сегодня, когда, с одной стороны, все чаще раздаются голоса, критикующие нормативные словари русского языка за излишнюю строгость отбора материала и призывающие к кратному увеличению словника вплоть до создания словарей-тезаурусов [18, 19], а с дру-

гой – настойчиво формулируется (в том числе на законодательном уровне [20]) запрос общества и государства на создание словарей предписывающего типа, которые бы четко и однозначно отвечали на вопрос «как правильно?». Однако нормативно-стилистический словарь в истинно научном понимании не может удовлетворить ни тех, ни других, так как в его задачи не входит ни описание *всего* словарного состава, ни *предписание* правильного словоупотребления.

Прежде всего, метафора словаря как «моментальной фотографии» подразумевает, что в нем фиксируется *реальная* литературная норма, а не создается норма *идеальная*. От искусственного создания нормы в словаре предостерегал еще Л.В. Щерба, писавший «Хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю» [14. С. 276]. Именно поэтому нормативно-стилистический толковый словарь не может и не должен ставить перед собой предписывающие задачи.

Неслучайно концепция Ю.С. Сорокина не была принята теми из лексикографов, кто видел в нормативном словаре прежде всего «мощное орудие культуры речи» [21. С. 39], позволяющее благотворно воздействовать на словоупотребление современников. И действительно, хотя нормативно-стилистический словарь, основанный на теории Сорокина, безусловно может использоваться как такое орудие (ибо литературная норма описывается в нем на базе лучших образцов употребления языка), все же «повышение культуры речи широких масс населения» [22. С. 187] не является той целью, ради которой он создается. Подлинная задача нормативно-стилистического словаря – кодифицировать реальную норму современного словоупотребления, сделать ее слепок, «моментальную фотографию», чтобы, став документальным свидетельством того, как сегодня говорят и пишут носители литературного языка, сохранить эту норму выражения в культурной памяти нации.

В таком случае, казалось бы, следует поместить в нормативно-стилистический словарь как можно больше лексического материала. Однако с этим тоже нельзя согласиться. Нормативно-стилистический словарь описывает литературную норму как функционирующую социально значимую систему языковых единиц, соответствующую, по Л.В. Щербе, «единому (реальному) языковому сознанию» современников. Отнесенность к литературной норме является мощным сдер-

живающим фактором при отборе слов для нормативного словаря, при этом функционально-стилистическая дифференциация этой единой нормы требует такого описания языковых единиц, которое характеризовалось бы, с одной стороны, точностью и дробностью стилистических квалификаций, а с другой – системностью и внутренней упорядоченностью¹.

Вероятно, можно говорить о такой лексикографической закономерности: чем больше словник толкового словаря, тем менее последовательно и системно он описывается. Полюса этой антиномии могут быть проиллюстрированы следующими примерами. С одной стороны – «шахматовская редакция» «Словаря русского языка» [25], в которой была предпринята попытка создания словаря-тезауруса, описывающего все без исключения слова русского языка (из письменных источников и из живого употребления). Печальный финал этого словарного предприятия хорошо известен: словарь отличался крайней стихийностью разработки и не был завершен. С другой стороны – «Активный словарь русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна [26], в котором принцип системности лексикографического описания реализуется с максимальной последовательностью, однако словник этого словаря представлен в основном единицами, относящимися к очень небольшому стилистически нейтральному активному словарному запасу современника.

Ни один из этих словарей, конечно, не является нормативным (и не ставит перед собой такой задачи). Подчеркнем, что и стремление к безоглядному расширению словника, и резкое его сокращение за счет

¹ На сегодняшний день в русской толковой лексикографии нет словарей, которые бы удовлетворяли этим требованиям (полнее всего они реализованы во втором издании Малого академического словаря [10] и в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [23], хотя и в этих изданиях много неточных нормативно-стилистических квалификаций). Однако следует отметить удачный опыт нормативно-стилистического описания *грамматической* вариативности современного русского языка в справочнике Л.К. Граудиной, В.А. Ицковича и Л.П. Катлинской [24] (первое издание – 1976 г.). Нормы грамматики представлены здесь в единстве частотного и стилистического аспектов описания, что позволяет, с одной стороны, комплексно показать их на современном синхронном срезе (в духе сорокинской «моментальной фотографии»), а с другой – проследить за работой механизма их формирования (ср. низкодинамический, умеренно динамический и высокодинамический типы эволюции нормы [24. С. 4–5]).

исключения слов ограниченного употребления нарушают диалектический принцип нормативно-стилистического словаря, очень точно сформулированный В.В. Дубичинским: «Исходя из нормативно-стилистических задач словаря, нельзя допустить неограниченный наплыв в него ненормативных средств речи, даже широко представленных в различных сферах словоупотребления. Вместе с тем <...> диалектически понимаемый принцип нормативности не должен привести к отсечению различных элементов, ограниченных в функциональном плане в том или ином отношении. Нормативному словарю, призванному показать современные (действующие) нормы словоупотребления, необходимо отразить также и многообразие лексической системы» [17. С. 136].

В концепции Ю.С. Сорокина взвешенный подход к формированию словника нормативного словаря сочетается со строгим требованием системного и упорядоченного описания словарного состава литературного языка во всем его функционально-стилистическом разнообразии. Нам представляется поэтому, что учение Сорокина о нормативно-стилистическом словаре, глубоко раскрывающее его диалектическую природу, является лучшей прививкой от любых радикальных решений. И как бы это ни было парадоксально, но в целом неисторичная концепция Сорокина позволяет сегодня говорить в том числе о возможности гармоничной реализации принципа историзма в нормативном словаре и тем самым отчасти реабилитирует толковые словари большого типа.

Такая возможность связана с представлением о *синхронности* нормативно-стилистического описания лексики, заложенным в концепции Ю.С. Сорокина и развитым в проекте нереализованного «Нового академического словаря» Г.Н. Складневской, где под синхронностью понимается описание «одного из *моментов динамического равновесия* (курсив мой. – Р.В.) языковой системы, опорой которого служит норма того времени, когда словарь создается» [27. С. 4]. Такое понимание позволяет описывать словарный состав языка в истинно щербовском духе – как целостный реально функционирующий объект.

При этом показательный «момент динамического равновесия» можно найти не только для современного состояния литературного языка, но и для каждого периода его развития, отличающегося относительной стабильностью литературной нормы. В сущности, именно о таких *нормативных периодах* писал В.В. Виноградов, усматривая в

традиционном для толковой лексикографии отрезке «от Пушкина до наших дней» целый ряд системных преобразований лексико-стилистической нормы русского литературного языка [9. С. 8]. Последовательная фиксация этих сменяющих друг друга литературных норм, каждая из которых описывается в соответствии с установками Ю.С. Сорокина, и позволит, на наш взгляд, гармонично соединить принципы нормативности и историзма в толковом словаре большого типа. Нормативно-исторический толковый словарь, построенный таким образом, сможет отразить *динамическое единство* русского литературного языка Нового времени – эпохи, через свои тексты определяющей самосознание современника (подробнее см.: [28. С. 110–116]).

Итак, тип нормативно-стилистического словаря, восходящий к теории Ю.С. Сорокина, представляется нам главной типологической разновидностью, определяющей содержание академической толковой лексикографии русского языка. При этом в плане практической реализации он может варьировать по двум направлениям: по широте охвата современной литературной лексики (полный vs краткий словарь) и по глубине погружения в историю литературной нормы (исторический словарь vs словарь современного языка). Подобная система нормативных толковых словарей, разработанная с учетом достижений и возможностей как традиционного, так и современного электронного словарного описания, будет, по нашему мнению, наилучшим образом соответствовать фундаментальным задачам академической толковой лексикографии.

Список источников

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Знак; Языки славянских культур, 2007. 232 с.
3. Приемышева М.Н. Современная типология толковых словарей русского языка и «Большой академический словарь русского языка» // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2018 / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб. : ИЛИ РАН, 2018. С. 101–115.
4. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–104.
5. Сорокин Ю.С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.

6. Войнова Л.А., Попов И.А. Памяти Юрия Сергеевича Сорокина // Очерки по исторической лексикологии русского языка / под ред. З.М. Петровой. СПб. : Наука, 1999. С. 9–14.

7. *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17 / гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов, Ф.П. Филин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

8. Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27. doi: 10.17223/22274200/28/1

9. Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.

10. *Словарь русского языка*. Т. 1–4 / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1981–1985.

11. *Академический толковый словарь русского языка*. Т. 1–2 / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Издательский дом ЯСК, 2016 (издание продолжается).

12. *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–6 / гл. ред. К.С. Горбачевич. М. : Рус. яз., 1991–1994.

13. *Большой академический словарь русского языка*. Т. 1–27 / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М. ; СПб. : Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

14. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л. : Наука, 1974. 427 с.

15. *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4 / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935–1940.

16. *Словарь русского языка*. Т. 1–4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : ОГИЗ, 1957–1961.

17. Дубичинский В.В. Принципы лексикографирования и типология словарей // Современные проблемы лексикографии / под ред. В.В. Дубичинского, С.В. Вакуленко, А.И. Даниленко. Харьков: [б. и.], 1992. С. 135–140.

18. Ступин Л.П. Нормативность и лексикография // Проблемы лексикографии / под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. С. 20–28.

19. Васильев Н.Л. Возможен ли идеальный толковый словарь: дескриптивность vs нормативность // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 3. С. 23–29.

20. *Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”»*.

21. Скворцов Л.И. Нормативно-стилистический словарь в системе нормативной лексикографии // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М. : Наука, 1988. С. 39–43.

22. Филин Ф.П. О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1963. Т. XXII, вып. 3. С. 177–189.

23. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998.

24. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 2001. 557 с.

25. *Словарь русского языка*, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук (Академии наук СССР). Т. 2–9 (отдельные выпуски) / под ред. А.А. Шахматова, В.М. Истрина. СПб. ; Пгд. ; Л. , 1897–1930.

26. *Активный словарь русского языка*. Т. 1–3 / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. ; СПб. : ЯСК; Нестор-История, 2014–2017 (издание продолжается).

27. *Скляревская Г.Н.* Новый академический словарь. Проспект. СПб. : ИЛИ РАН, 1994. 62 с.

28. *Воронцов Р.И.* Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии : юбилейный сб. науч. ст. / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 95–120.

References

1. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2014) Modern orientations of Russian lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (5). pp. 5–15.

2. Krongauz, M.A. (2007) *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Znak; Yazyki slavyanskikh kul'tur.

3. Priemysheva, M.N. (2018) Sovremennaya tipologiya tolkovykh slovarey russkogo yazyka i “Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka” [Modern typology of explanatory dictionaries of the Russian language and the “Great Academic Dictionary of the Russian Language”]. In: Krylova, O.N. (ed.) *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya. 2018* [Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography. 2018]. St. Petersburg: ILS RAS. pp. 101–115.

4. Ozhegov, S.I. (1952) O trekh tipakh tolkovykh slovarey sovremennogo russkogo yazyka [On three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 85–104.

5. Sorokin, Yu.S. (1967) O normativno-stilisticheskom slovare sovremennogo russkogo yazyka [On the normative-stylistic dictionary of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 22–32.

6. Voynova, L.A. & Popov, I.A. (1999) Pamyati Yuriya Sergeevicha Sorokina [In memory of Yuri Sergeevich Sorokin]. In: Petrova, Z.M. (ed.) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka* [Essays on the historical lexicology of the Russian language]. St. Petersburg: Nauka. pp. 9–14.

7. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vols 1–17. Moscow; Leningrad: USSR AS.

8. Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. & Puritskaya, E.V. (2023) Principles of normativity and historicism in the Russian academic lexicography: The great explanatory dictionary type re-examined. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/1

9. Vinogradov, V.V. (1966) *Semnadsatimnnyy akademicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznaniya* [Seventeen-volume academic dictionary of the modern Russian literary language and its significance for Soviet linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 3–26.
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. 2nd edition. Moscow: Rus. yaz.
11. Krysin, L.P. (ed.) (2016) *Akademicheskii tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Academic explanatory dictionary of the Russian language]. Vols 1–2. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
12. Gorbachevich, K.S. (ed.) (1991–1994) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vols 1–6. Moscow: Rus. yaz.
13. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004–2021) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–27. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
14. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.
15. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: OGIZ.
16. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1957–1961) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: OGIZ.
17. Dubichinskiy, V.V. (1992) Printsipy leksikografirovaniya i tipologiya slovarey [Principles of lexicography and typology of dictionaries]. In: Dubichinskiy, V.V., Vakulenko, S.V. & Danilenko, A.I. (eds) *Sovremennye problemy leksikografii* [Modern problems of lexicography]. Kharkiv: [s.n.]. pp. 135–140.
18. Stupin, L.P. (1997) Normativnost' i leksikografiya [Normativity and lexicography]. In: Gerd, A.S. & Sergeev, V.N. (eds) *Problemy leksikografii* [Problems of lexicography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University pp. 20–28.
19. Vasil'ev, N.L. (2017) Vozmozhno li ideal'nyy tolkovyy slovar': deskriptivnost' vs normativnost' [Is an ideal explanatory dictionary possible? Descriptiveness vs normativity]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 76 (3). pp. 23–29.
20. Federal Law of February 28, 2023, No. 52-FZ: *On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"*. (In Russian).
21. Skvortsov, L.I. (1988) Normativno-stilisticheskii slovar' v sisteme normativnoy leksikografii [Normative-stylistic dictionary in the system of normative lexicography]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of the language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 39–43.
22. Filin, F.P. (1963) O novom tolkovom slovare russkogo yazyka [About the new explanatory dictionary of the Russian language]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. XXII (3). pp. 177–189.
23. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

24. Graudina, L.K., Itskovich, V.A. & Katlinskaya, L.P. (2001) *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi: Stilisticheskij slovar' variantov* [Grammatical correctness of Russian speech: Stylistic dictionary of variants]. 2nd edition. Moscow: Nauka.

25. Shakhmatov, A.A. & Istrin, V.M. (eds) (1897–1930) *Slovar' russkogo yazyka, sostavlenyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk (Akademii nauk SSSR)* [Dictionary of the Russian language, compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences (USSR Academy of Sciences)]. Vols 2–9. St. Petersburg; Petrograd; Leningrad: Academy of Sciences.

26. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2014–2017) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. Vols 1–3. Moscow; St. Petersburg: YaSK; Nestor-Istoriya.

27. Sklyarevskaya, G.N. (1994) *Novyy akademicheskij slovar'. Prospekt* [New academic dictionary. Booklet]. St. Petersburg: ILS RAS.

28. Vorontsov, R.I. (2022) *Eshche raz o normativnosti i istorizme akademicheskogo tolkovogo slovary bol'shogo tipa* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: Principles of normativity and historicism re-examined]. In: Priemysheva, M.N. (ed.) *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoy leksikografii* [History, theory and practice of academic lexicography]. St. Petersburg: ILS RAS. pp. 95–120.

Сведения об авторе:

Воронцов Роман Игоревич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Roman I. Vorontsov, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.07.2023;
одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 01.03.2024.*

*The article was submitted 20.07.2023;
approved after reviewing 13.09.2023; accepted for publication 01.03.2024.*

Научная статья

УДК 811.374.3

doi: 10.17223/22274200/31/2

Названия растений в Словаре Академии Российской (1789–1794): источники и принципы лексикографирования

Кира Иосифовна Коваленко^{1,2}, Валерия Борисовна Колосова^{3,4}

^{1,3} *Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия*

^{2,4} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*

^{1,2} *kkovalenko@eu.spb.ru*

^{3,4} *chakra@eu.spb.ru*

Аннотация. Публикация содержит анализ статей Словаря Академии Российской, относящихся к растениям. Рассматриваются особенности толкования фитонимов, наличие этих лексем в предшествующих лексикографических трудах, их стилистическая принадлежность, синонимические ряды и территория распространения.

Ключевые слова: Словарь Академии Российской, Аналогические таблицы, история лексикографии, фитонимы, сибирские экспедиции, локализмы, синонимы, ботаническая номенклатура

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта «Растения и люди в Российской империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик», реализуемого в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Благодарим участников проекта М.М. Пироговскую, О.С. Беличенко и Г.А. Молькова за ценные замечания, высказанные в ходе обсуждения статьи.

Для цитирования: Коваленко К.И., Колосова В.Б. Названия растений в Словаре Академии Российской (1789–1794): источники и принципы лексикографирования // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 23–42. doi: 10.17223/22274200/31/2

Original article

doi: 10.17223/22274200/31/2

Plant names in the Dictionary of the Russian Academy (1789–1794): Sources and lexicographic representation principles

Kira I. Kovalenko^{1, 2}, Valeria B. Kolosova^{3, 4}

^{1, 3} *European University at St Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation*

^{2, 4} *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation*

^{1, 2} *kkovalenko@ eu.spb.ru*

^{3, 4} *chakra@eu.spb.ru*

Abstract. The 18th century was the time of dramatic transformations in various life spheres of the Russian Empire. Significant changes occurred in scientific knowledge as well. After founding the Academy of Sciences and creating botanical and apothecary gardens in St. Petersburg, Moscow, Astrakhan, and Tobolsk, scientific botany was being established and botanical terminology was being formed. In 1789–1794, the Dictionary of the Russian Academy (DRA) was published. It was the first academic dictionary, and many famous natural scientists of that time participated in its compilation. The project authors actively used their predecessors' works. Since DRA was conceived as a normative dictionary, not all phytonyms could be included. A thorough discussion of the materials preceded the work on the explanatory part. The headwords selection was based on analogous tables. They contain approximately 55,000 headwords; more than 1,800 are plant names, names of plant parts (such as *apple*), and adjectives derived from them. In analogous tables, we find references to the travels by I.I. Lepekhin, P.S. Pallas, and I.G. Gmelin. Many of these references are confirmed on addressing the sources. Depending on the volume, 30% to 70% phytonyms from the analogous tables were included in DRA. DRA entries describing flora and fauna are notable for their encyclopedic style and include Linnaean Latin taxonomic names. Researchers see the reason in the fact that these entries were taken from a natural science reference work – the Lexicon of Natural History, compiled by I.I. Lepekhin at that time. DRA also included phytonyms from the works by S.P. Krashenninikov. Synonymous names with various geographical or stylistic marks could be explained independently of each other in different dictionary entries or through references from one entry to another. In DRA, as in other lexicographic works, there are looped references and so-called “blind links” leading to non-existing dictionary entries. To find the denotation of a phytonym without interpretation, researchers often need to address other texts containing the lexemes of interest.

Keywords: Dictionary of the Russian Academy, analogous tables, history of lexicography, phytonyms, Siberian expeditions, localisms, synonyms, botanical nomenclature

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the project “Plants and people in the Russian Empire of the 18th century: knowledge and practice distribution among social classes”, implemented at the European University at St Petersburg. We are especially grateful to the project participants M.M. Pirogovskaya, O.S. Belichenko, and G.A. Molkov for valuable comments.

For citation: Kovalenko, K.I. & Kolosova, V.B. (2024) Plant names in the Dictionary of the Russian Academy (1789–1794): Sources and lexicographic representation principles. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 31. pp. 23–42. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/31/2

XVIII в. – время серьезных преобразований в различных сферах жизни Российской империи. Значительные изменения произошли и в области научного знания: «Центр научных интересов в начале XVIII в. решительно переместился с наук гуманитарных, столь почитаемых средневековьем, на науки естественные и математику» [1. С. 5]. С открытием Академии наук, созданием аптекарских огородов и ботанических садов в Санкт-Петербурге, Москве, Астрахани и Тобольске происходит становление научной ботаники [2. С. 41], начинается формироваться ботаническая терминология [3, 4]. Значительное число названий растений фиксировалось в памятниках письменности уже в XVII в. благодаря распространению рукописных травников и лечебников, документообороту Аптекарского приказа; в XVIII в. количество зафиксированных фитонимов продолжает непрерывно расти, что связано с появлением первых ботанических словарей, распространением пособий и рекомендаций по ведению сельского хозяйства и печатных лечебников.

В 1789–1794 гг. выходит первый академический словарь – Словарь Академии Российской [5] (далее – САР), в составлении которого участвовали многие известные ученые-натуралисты того времени: И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецковский, С.Я. Румовский, И.Н. Болтин и другие. Достижения естествоиспытателей не могли не отразиться в словарных статьях, посвященных животному и растительному миру. Особенности толкования фитонимов, включенных в САР, их наличие в предшествующих лексикографических трудах, стилистическая при-

надлежность и территория распространения являются объектом рассмотрения в настоящей статье.

Источники Словаря

В XVIII в. эпоха рукописных азбучников и печатных лексиконов Западной Руси сменилась расцветом печатных и рукописных словарей, ориентированных на западноевропейскую традицию. В указателе В.П. Вомперского приводится 277 печатных словарей, изданных с 1700 по 1800 г., а также относящихся к XVIII в. рукописных глоссариев, опубликованных позднее [6]. Кроме того, целый ряд рукописных словарей не опубликован до сих пор. Исследователи условно разделяют лексикографические труды на четыре типа: «1) переводные иноязычно-русские и русско-иноязычные словари, 2) словари иностранных и непонятных слов, 3) специальные словари (терминологические и энциклопедические), 4) толковые словари», справедливо оговаривая условность разделения, «поскольку многие словари не представляют собою “чистого типа” как по составу отбираемого материала, так и по способам его описания» [7. С. 61–62]. Словари непонятных слов могли содержать толкование понятия, тем самым приближаясь к энциклопедическим (например, Церковно-славянский словарь Петра Алексея, анонимный русско-латинско-немецкий лексикон середины XVIII века [8. С. 53–54]). Русско-иноязычные словари, а также словники для их составления (например, Лексикон В.Н. Татищева, опубликованный в [9]) нередко содержали элементы толкования, необходимого для разграничения омонимов и многозначных слов.

Первые опыты по составлению толковых словарей русского языка начались задолго до начала работы над САР, и авторы академического проекта активно пользовались наработками своих предшественников. Так, рассматривая лексикографические источники САР, М.И. Сухомлинов прежде всего выделяет словари Андрея Ивановича Богданова (он называет его словарем Тауберта – члена АН, под руководством которого происходило издание словаря, см. подробнее в [10]) и Кирияка Кондратовича, упомянутые в письме княгини Дашковой [11. С. 5]. Оба они были многоязычными, однако заголовочные русские слова непременно снабжались объяснениями значений, а иногда и другими сведениями, свойственными толковым словарям.

А.И. Богданов, занимавший должность помощника библиотекаря Академии наук, собирал материалы для будущего словаря с середины 30-х гг. XVIII в. [10. С. 181]. В доношении от 3 сентября 1766 г. он писал: «...определением Академии наук велено мнѣ быть при Россиском (sic!) собрании ради сочинения российского лексикона, котораго собрано и приумножено с немалым удовольствием, в котором какъ технических терминов съ их описанием и приложенныя при них рисунки, такъ и всякими народными и книжными речми предоволно наполнены, который весь корпус состоит в восмнатцати волюменах, и нынѣ оной лексикон переводится на немецкой, латынской, французской языкъ во Академии» (Архив СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 301. Л. 141). Помимо эквивалентов на трех языках, заголовочные слова сопровождались грамматическими и иногда стилистическими пометами, этимологическими сведениями, толкованием и примерами употребления. Словарь сохранился в четырех корректурных оттисках начала буквы А¹. В работе над ним также принимал участие переводчик Академии наук Кондратович, который, как он сообщает в доношении от 30 октября 1744 г., внес в словник 74 единицы «ботанических именъ на В кончащихся съ латинскими и нѣмецкими купно, выписанныхъ изъ полской ботанической книги, автора дохтора Симеона Сиренниуса» (Архив СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 91. Л. 245). Травник Симеона Сирениуса [13] действительно содержит как польские, так и немецкие названия растений, однако какие из них были включены в словник на букву В, неизвестно, поскольку рукопись Кондратовича, переданная «къ унтеръ библиотекарю господину Тоуберту (sic!) на сохранение при другихъ российскихъ манускриптахъ в библиотеке» (Архив СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 91. Л. 246), до нас не дошла.

Второй рукописный словарь, упомянутый в письме княгини Дашковой, – «Целяриев дикционер русский с латинским» Кирияка Кондратовича – был составлен по типу книги Целлария, т.е. учебного латинского словаря. К русской части в нем приводились эквиваленты на 14 языках. В доношении от 2 сентября 1747 г. К. Кондратович указывает, что включил в него много «латинских ботанических имен к русским первообразным» (Архив СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 110. Л. 2).

Рукопись «Целлариева дикционера» также не сохранилась. Оба лексикона постигла одна и та же судьба: «...по словам Дашковой, они

¹ Опубликован с учетом правок Тауберта в [12. С. 90–97].

были распределены между членами академии по буквам, следовательно, листы расшиты и розданы по рукам» [11. С. 7].

Из рукописных словарей, которые могли быть использованы при составлении САР, М.И. Сухомлинов называет также собрания слов переводчика Ботвинкина и протоиерея Левшина. Другой рукописный словарь, «имеющий некоторую связь со словарем российской академии» [11. С. 8], по наблюдениям А.П. Аверьяновой, был составлен В.Н. Татищевым, и его «генетическая связь со словарем Российской академии прослеживается довольно ярко и может быть представлена большим количеством примеров» [14. С. 20].

К печатным лексикографическим источникам Сухомлинов причисляет «Лексис» Лаврентия Зизания 1596 г., «Лексикон славенороссийский» Памвы Берынды 1627 г., «Российский Целлариус» 1771 г. и «Церковный словарь» Петра Алексея 1773 г. [11. С. 5, 8].

Очевидно, что в этих словарях названия растений не могли быть приоритетной лексико-семантической группой. В виде исключения выделяют шестязычный словарь Г.А. Полетики, составленный по тематическому принципу, в котором ботаническая лексика представлена в относительно большом объеме [7. С. 65–66]. В остальных словарях фитонимы немногочисленны. Из терминологических словарей на момент составления САР известен лишь один – это «Дикционер, или Речениар» К. Кондратовича, опубликованный в 1780 г. [15], однако список растений на первые буквы алфавита обнаруживает мало сходства с фитонимами САР.

Толкуемая в словарях XVIII в. фитонимическая лексика была крайне разнообразна по своему происхождению, сфере употребления и вариантам написания. Поскольку САР задумывался как нормативный словарь, то далеко не все названия растений могли войти в словарь, и работу над толковой частью предвзяло тщательное обсуждение материалов.

Аналогические таблицы

Процесс отбора заголовочных лексем САР проводился с помощью Аналогических таблиц (далее – АТ)¹. В соответствии с надписью на первом выпуске АТ, сделанной князем М.М. Щербатовым, членом

¹ При подготовке статьи использована фотокопия, хранящаяся в ИЛИ РАН.

Императорской Академии наук, таблицы были отпечатаны в 100 экземплярах и розданы «господам членам и некоторым из знающих российский язык особам, дабы каждый мог прибавить те слова и речения, кои в таблице найдет опущенными» [16. С. 402].

Нельзя сказать, что АТ являлись словником или реестром словаря в узком понимании: помимо лексемы, там могли содержаться сведения об орфографии, грамматических свойствах, семантике, этимологии, парадигматике, синтагматике слова, а также указание на источник. Среди примерно 55 000 заголовочных слов более 1 800 являются названиями растений (и их частей) и образованными от них прилагательными.

Для фитонимов в АТ, как и для САР в целом, нормальна вариативность написаний [17]. Иногда варианты разводятся в разные статьи, иногда объединены в одну. Как правило, приводится не больше одного варианта написания: «Девесиль, или девясиль, ла. м: *травa и корень*. См: *умань*»¹; «Дягель, или дягиль, ля. м: *травa*». Сопутствующие прилагательные, с одной стороны, конкретизируют вид растения, с другой – показывают синтагматические связи слова: «Дымъ *земляной, или полевой, тр.*»

Синонимичные названия приводятся 1) после заголовочного слова: «Десна, или *кервель травa*», «Славикъ, или Ангельская сладость. *травa*»; 2) в виде отсылки к другой статье: «Алৌ... см. *Сабуръ*», «Бобовникъ... Зр. *персикъ дикой, Калмыцкіе орѣхи*», «Гречіха... *тожъ что грѣча*. Гречѹха... *тоже*.», «Донникъ... См: *буркунъ*». Как почти в любом словаре, в АТ некоторые ссылки оказывались глухими: «Змѣй *травa*. зри *напутникъ бѣлой*», «Кирказонъ... зр. *пакновникъ. травa*», «Мыло Татарское. *травa*. зр. *боярская спѣсь*» (статей *напутникъ бѣлой, пакновникъ, боярская спѣсь* в словнике нет).

В незначительном количестве статей дано указание на язык-источник фитонима: «Амарантъ... *цвѣтъ. гр.*», «Дивомасличіе... *сл.*», «Камышь... *Татар.*», «Крыжѣпель... *Нѣм.*», «Куминъ... *Гр.*»

Указание на принадлежность к лексико-семантической группе через родовой термин было достаточно характерно как для словарей XVIII в. [18. С. 55–56], так и для более ранних лексикографических сводов [19. С. 113]. В АТ фитонимы сопровождаются словами *травa*,

¹ В связи с тем, что АТ имеют строгий алфавитный порядок расположения лексем, том и страница для цитат не приводятся. Полные выходные данные цитат из этого и других источников можно найти в этноботанической базе данных PhytLex (<https://phytolex.eusph.org>).

родъ травы, произрастение, растение, дерево, деревцо, зелие, кустъ, кустокъ, плодъ, ягода, цвѣтокъ, стѣмя, зерно, корень. В том случае, если слово *трав* входило в название растения, оно выделялось курсивом, выполняя двоякую функцию, являясь и частью фитонима, и гиперонимом, например: «Богорѳдская *трав*». Указание на лексико-семантическую группу давалось не при всех названиях растений, однако оно становилось необходимым при указании на многозначность: «Вязъ... *дерево*, и *скръп*а у саней», «Глазунъ, *трав*: также *рыба*», «Змѣвйкъ... *трав*, и *камень*», «Золотоѳкъ... *рыба* и *трав*».

Стилистические пометы (простонародное, народное), указания на частотность (малоупотребительное, неупотребительное) и сферу употребления слова (у сапожников, у гончаров, у гранильщиков, у купцов), встречающиеся при некоторых словах в АТ [11. С. 58–60], для фитонимов не приводятся.

Ко времени создания АТ уже завершились академические экспедиции по Российской империи и были частично опубликованы материалы участников – С.П. Крашенинникова, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, И.Г. Гмелина. Ссылки на них мы находим в источниковедческих пометах рядом с заголовочными словами: *Пут. Леп.*, *Пут. Пал.*, *Пут. Гмел.* Как отмечает Сухомлинов, «первоначально слова вносились в аналогические таблицы без всяких ссылок; затем признано нужным делать хотя краткие указания на источники» [11. С. 20]. Это объясняет, почему указания на труды путешественников приводятся лишь с третьего тома АТ. Большинство из них подтверждается обращением к источникам. Так, из Путешествия И.И. Лепехина были заимствованы следующие лексемы: «Слѣпокурникъ, ка. м. *трав*. *Леп. пут.* 62. ч. III.»; «Слѣпокурникъ золотолистной. *трав*. *Слѣпокурникъ устилающейс*я. *трав*. *Леп. пут.* 38. ч. III» [20. Ч. 3. С. 62]¹ (на с. 38 упоминается *трав* *слѣпокуръ*); «Смольчугъ, га. м. *Леп. пут.* 122. ч. 3» [20. Ч. 3. С. 122]; «Собачка. *трав*. зри череда. *Леп. пут.* 1. ч.» (ср. у Лепехина: «Желтый цвѣтъ получаетъ Мордва такъ же изъ простой *трав*, которую у насъ зовутъ собачками, а индѣ чередою и растутъ при мокрыхъ мѣстахъ» [20. Ч. 1. С. 240]).

Часть фитонимов имеет ссылку на Путешествия П.С. Палласа, хотя далеко не все из них можно найти в этом труде. Например, удалось

¹ Здесь и далее после цитат из АТ указано местонахождение слова в трудах путешественников.

обнаружить фитонимы из статей «Хійской рукоцвѣтъ. *тр.* Палл. пут.» [21. Ч. 1. С. 100] и «Цáрь. *тр.* Палл. пут.» [21. Ч. 1. С. 100, Ч. 2. С. 26], причем эти же фитонимы имеются и в Путешествии Лепехина [20. Ч. 1. С. 15, 334]. Не удалось найти у Палласа, но встречаются у Лепехина (или же форма, данная у Лепехина, ближе к форме в АТ) следующие статьи: «Франкѣнія гладка, *дерево.* Палл. пут.» (*Гладкая франкенія* [20. Ч. 1. С. 412], у Палласа – *гладкая франкенова трава* [21. Ч. 1. С. 614]); «Фригійская кентаврѣя, *трава.* Пал. путеш.» [20. Ч. 1. С. 352] (у Палласа только *Кентаврѣя Сибирская* [21. Ч. 2. Кн. 2. С. 152]); «Фритиллярѣя Персидская, *растѣніе.* Палл. пут.» (*Персидская Фритиллярѣя* [20. Ч. 1. С. 370]; у Палласа – просто *фритиллярия* [21. Ч. 3. С. 293]); «Чáшечная андромеда. *тр.* Палл. пут.» [20. Ч. 1. С. 5]; «Шерстѣстый Гіерацій. *растен.* Палл. пут.» [20. Ч. 1. С. 381]; «Шерáдрѣя пажитная. *растен.* Палл. пут.» (*Шерáдрѣя пахотная* в [20. Ч. 1. С. 381] и [20. Ч. 3. Половина вторая. С. 336]).

Но больше всего фитонимов было заимствовано из Путешествия С.Г. Гмелина, и все – из второй части: «Порахіасъ; *трава.* Гмел. пут: стр: 356.» (у Гмелина – *параліасъ* [22. Ч. 2. С. 356]); «Портулакъ, ка. м. морское. *растен.* Гмел: 7» [22. Ч. 2. С. 7]; «Рогáтый лоть. *трава.* Пут. Гмел. стр. 272» (у Гмелина – *рогатой лоть* [22. Ч. 2. С. 273]); «Саликóрнія, нїи. ж: *трава.* Гм: пут. 356. 2 ч.» [22. Ч. 2. С. 356]; «Сладкà, и горькà, *трава.*» (у Гмелина – *сладко и горько* [22. Ч. 2. С. 275]); «Совѣйна стрѣлка. *трава.* Гм. пут: 276. 2. ч.» (у Гмелина – *совина стрѣла* [22. Ч. 2. С. 276]); «Татарская жимолость. 45. 2. ч. Гмел: пут.» [22. Ч. 2. С. 45]; «Тлѣсна сквозелистная. Тлѣсна чесноковатая. Тлѣсна пашенная. *растѣнія.* Гмел. пут. 272. II. ч.» (у Гмелина – *тлѣспи* [22. Ч. 2. С. 272]); «Торѣца сѣдая: *трава.* Гмел: пут: 272. II. ч.» (у Гмелина – *сѣдая торица* [22. Ч. 2. С. 272]); «Фіáлка Мартовская, Гмел: пут: *растеніе*» (у Гмелина – *Мартовская фіялка* [22. Ч. 2. С. 272]); «Хвилóвникъ, *тр.* Гмел. пут.» (у Гмелина – *хвиновникъ* [22. Ч. 2. С. 275]); «Церáстія, тїи. ж. *растеніе.* Гмел. 27. 11. 2. ч.» [22. Ч. 2. С. 271]; «Цератокáрпъ. *растен.* Гмел: 62. 2. ч.» [22. Ч. 2. С. 62]; «Ципѣрой, долголистный. Гмел. 275. 2. ч.» (у Гмелина – *долголистной циперой* [22. Ч. 2. С. 275]); «Черевѣчка четверолистная. *тр.*» (у Гмелина – *чечевичка четверолистная* [22. Ч. 2. С. 276]); «Черевѣчка болотная. Гм: 276. 2. ч.» (у Гмелина – *чечевичка болотная* [22. Ч. 2. С. 276]); «Черноклѣнникъ, ка. м. Гм 45 2. ч.» [22. Ч. 2. С. 45]; «Чихóтная *трава.* Гм. 274. 2. ч.» [22. Ч. 2. С. 274].

Источники ботанической лексики в САР

Словарные статьи, описывающие флору и фауну, во многом отличаются от других; их энциклопедический характер не раз отмечали исследователи [11. С. 132; 23. С. 150; 24. С. 36]. Причину этого мы узнаем из «Замечаний касательно нового издания русского Словаря» Н.И. Греча: «Въ первом изданіи Словаря описанія предметовъ Естественной Исторіи были очень пространны. Это произошло отъ особеннаго случая. Княгиня Дашкова спѣшила составленіемъ 1-й части для поднесенія Государынѣ. Для наполненія тома, Членъ Академіи, натуралистъ Лепехинъ, внесъ въ Словарь языка статьи изъ Лексикона естественной исторіи, который онъ составлялъ въ то врѣмя» [25. Стб. 336]. Именно И.И. Лепехин, известный ученый и путешественник, секретарь Академии наук, был ответственным за естественно-научную лексику словаря [5. Ч. 2. С. IV].

Непременным элементом в статьях о животных и растениях являлось наличие латинского названия по классификации Карла Линнея. Об этом извещалось в Предисловии к первому тому [5. Ч. 1. С. XIV], и это можно считать значительным достижением в лексикографической практике толкования лексики природы. Латинские эквиваленты приводились в словарях и ранее, однако это были слова, не привязанные к терминологической системе, хотя и они представляли значительную ценность: именно этим объясняет Кондратович внимание М.В. Ломоносова к своему лексикону: «...а сей мой трудъ ему надобенъ, ибо много въ ономъ латинскихъ ботаническихъ именъ, къ русскимъ первообразнымъ изъ разныхъ лексиконовъ прибавлено» (Архив СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 110. Л. 2). О.Н. Трубачев полагает, что именно И.И. Лепехину принадлежит идея обязательной латинской параллели, что обусловило дальнейшее развитие жанра ботанических энциклопедий и атласов животного мира и природы [26. С. 51].

Сравнение фитонимов АТ и САР демонстрирует изменения в принципах отбора лексики. Если в первый том вошло около 70% фитонимов из АТ, то во второй и третий уже около 50%, в четвертый – примерно 35%, а в последние два тома – около 30%.

Некоторые фитонимы были взяты из других источников. Например, в САР были включены фитонимы из трудов учителя И.И. Лепехина – С.П. Крашенинникова. К ним относятся *тенищичь*¹ и *мятая*

¹ Возможно, ошибка наборщика. У Крашенинникова используется форма *тонищичь*.

трава: они многократно упоминаются у Крашенинникова, а в САР представлены в статье «ЕГЕЙ, гея. с. м. Сагех. Трава. См. Мятая трава и Теншичъ», которая отсылает к отсутствующим словарным статьям. У Крашенинникова находим также описание водоросли *Fucus vesiculosus* L. фукус пузырчатый: «Дубъ морской трава, которая выбрасывается из моря, вареная съ сладкою травою отъ поносу пользоваться» [27. С. 208–209]. Эту же цитату мы находим и в САР, правда, с неверной ссылкой: «Дубъ морской. *Fucus vesiculosus*. Родъ морскаго пороста или такъ называемой морской капусты, который отъ сродныхъ ему поростовъ отличается тѣмъ, что при концахъ его находятся пузыри и бородавки. *Дубъ морской вареный съ сладкою травою отъ поносу пользуется*. Краш. опис. Камч. II. 202» [5. Ч. 2. С. 782]. Очевидно заимствование из Крашенинникова в статье ВОДЯНИЦА, ср.: «О Шикшѣ или водяницѣ пишетъ господинъ Стеллеръ, что она отъ цынгй немалое лѣкарство. Сверхъ того жители красятъ ею въ вишневою краску всякія полинялый шелковые матеріи; а обманщики вареною шикшею съ квасцами и съ рыбьимъ жиромъ подчеркиваютъ морскихъ бобровъ и плохихъ соболей весьма изрядно, и наводятъ на нихъ такой лоскъ, что можно скоро глазамъ заиграться, и причиною быть нѣсколька рублей убытку» [27. С. 193–194] и «ВОДЯНИЦА... В Камчатке называютъ его [кустикъ] *Шикшею*, и кромѣ лѣкарственнаго употребленія красятъ ягодами въ вишневую краску, и подчеркивать плохой пушной товаръ» [5. Ч. 1. С. 803].

Из лексем, заимствованных в АТ из сочинений Гмелина, в САР обнаружился только фитоним *сладко и горько*, обозначающий растение паслен сладко-горький: «СЛАДКО и ГОРЬКО, трава. См. Послень» [5. Ч. 5. С. 525]. Однако явное заимствование из Гмелина встречается в описании травы *баранчикъ*, ср.: «Напоследокъ долженъ я между весенними растѣніями упомянуть о *баранчикѣ*. Здѣсь величиною бываютъ они въ футъ и выше. Овцы ѣдятъ его весьма охотно, и сіе можетъ быть подало поводъ къ Россійскому названію» [22. Ч. 1. С. 102] и «БАРАНЧИКЪ... Названа она симъ именемъ по тому, что овцы охотно ее ѣдятъ» [5. Ч. 1. С. 99].

Отдельные фитонимы употребляются только в толкованиях, и понять их значение не всегда легко. Так, в статье СЛОНЪ указано: «...пищу его составляютъ многообразныя произрастенія, кокосы, индійскія смоквы и пальмовыя деревья» [5. Ч. 5. С. 548]. Данный фрагмент заимствован из книги Натанаэля Готфрида Леске – либо из

издания на немецком языке [28. С. 163–164], либо из русского перевода первого тома этого сочинения [29. С. 137]. В оригинальном сочинении значится «Cocos, Pisang und Palmenbaume», т.е. «кокос, банан и пальмовое дерево». Фитоним *индийская смоква*, по всей видимости, сконструирован как калька с лат. *Ficus indica* – это название банана из Пинакса Каспара Баугина (Bauh. Pin.) («*Ficus indica, fructu racemoso, folio oblongo.* Bauh. pin. 508» [30. С. 176]). Так как лексема *банан* в САР отсутствует, видимо, она еще не была распространена к тому времени. Позднее эта калька относилась уже к опунции индийской (инжирной) [15. С. 113].

Ареальная характеристика фитонимов в САР

Как отмечено в Предисловии к САР, при формировании словника решено было исключить «всѣ областныя слова, кромѣ тѣхъ, которыя своею ясностію, силою и краткостію могутъ служить къ обогащенію языка, или означаютъ тѣхъ странъ произведенія, или на конецъ могутъ послужить къ замѣнѣ словъ иностранныхъ» [5. Ч. 1. С. IX]. Тем не менее некоторое количество лексем, и в том числе фитонимов, в Словаре сопровождается указанием на локальное распространение. В ряде случаев приводится название региона: «БОТУНЪ... въ Сибирѣ и Уфимскомъ намѣстничестве, всякой дикорастущей лукъ или чеснокъ *ботуномъ* называютъ» [5. Ч. 1. С. 300]; «ГУТЕЙ... Въ Екатеринославскомъ намѣстничестве называется тоже, что Айва, Пигва, Армудъ, Квитъ» [5. Ч. 2. С. 446]; «КУРИЧЬЯ СЛѢПОТА... В Малороссии такъ называютъ траву *Chelidonium maius*» [5. Ч. 3. С. 1083]; «ВОДЯНИЦА... В Камчаткѣ называютъ его [кустик] *Шикиею*» [5. Ч. 1. С. 803]. Другие географические пометы менее определены: «ГРЕЧА... Въ низовыхъ провинціяхъ называется *Дикуща*» [5. Ч. 2. С. 342], «АЙВА... Растетъ у насъ произвольно по Тереку. Въ другихъ мѣстахъ Россіи называютъ плодъ сей Нѣмецкимъ словомъ *квитъ*» [5. Ч. 1. С. 13], «КАЧИМЪ... Индѣ называютъ такъ траву *Перикатиполе*» [5. Ч. 3. С. 484].

Некоторые диалектные фитонимы вошли без географических помет. Так, растение *Solanum melongena* L. представлено двумя словарными статьями: «БАДИДЖАНЪ, на. с. м. Татар. *Solanum melongena*. Плодъ на огурцы похожій, покрытый фіолетовою кожицею, но вкусомъ отъ огурцовъ совсѣмъ отменный. Татары и другіе Асіатскіе народы употребляютъ оной въ пищу, приправляя различными обра-

зами» [5. Ч. 1. С. 80] и «ДЕМЬЯНКА, ки, с. ж. *Solanum melongena*. Травя однолѣтняя, въ Азіи на поляхъ сѣмая, листья имѣтъ продолговатокруглые, мшистые, чашечку цвѣточную остѣями снабженную, плодъ у нее на подобіе продолговатыхъ яблоковъ бываетъ, которые Армяне и другіе Азіатцы приправленные употребляютъ въ пищу» [5. Ч. 2. С. 577]. Отсылка между статьями, посвященными одному растению, как это принято в САР, нет, хотя приведенная в обоих случаях латынь позволяет однозначно идентифицировать растение как баклажан, или паслен темноплодный. По всей вероятности, слово *демянка* попало в САР из Путешествия Гмелина: «Въ Астраханскихъ садахъ... изъ Европейскихъ овощей недостаетъ Тартофеля, земляныхъ яблокъ и артишоковъ, но вмѣсто оныхъ садятъ въ великомъ множествѣ бадянжану, или демьянокъ и стручковаго перцу» [22. Ч. 2. С. 162]; «Демьянка по Персидски, по Татарски и по Армянски называется Бадинжанъ, плоды съ сѣмьями варятъ Персіане и восточные Россіане, кои отъ нихъ сему употребленію научились, такъ какъ и другіе овощи въ мясныхъ похлебкахъ... Демьянки растутъ также и въ Астраханѣ, и тамошній климатъ совершенно хорошо сносятъ» [22. Ч. 3. С. 411]; «Индѣйцы и Персіане плодъ сего растѣнія [тыквы] ѣдятъ жаря оной въ коровьемъ маслѣ и варя съ мясомъ, такъ точно, какъ онижъ и Армяне обыкновенно съ Демьянками поступаютъ» [22. Ч. 3. С. 580].

Г.П. Князькова полагает, что диалектными в САР являются слова, содержащие отсылочные толкования: «Иногда практикуется прием отсылки от областного слова (названия предмета, чаще растения, птицы, животного) к слову общенародному. Например: Дикуша... См. гречуха, греча (II, 1790, с. 671), Подбел... См. мать мачиха. (IV, 1793, с. 943)» [31. С. 112]. Если для *дикуши* действительно, как мы видели выше, указана локализация, то для *подбѣла* географические сведения отсутствуют: название *мать мачиха* не является заголовком словарной статьи, а приводится в качестве эквивалентного (в форме *мать и мачиха* в статье БЪЛОКОПЫТНИКЪ, и название *подбѣль* там не упоминается). Тем не менее предположение Князьковой в данном случае справедливо: *подбѣль* был зафиксирован как название растения мать-и-мачеха обыкновенная в Курской губернии, хотя и значительно позднее – в 1897 г. [32. Вып. 27. С. 335], и можно полагать, что некоторые из фитонимов с отсылочным толкованием действительно являлись диалектными. Однако в подавляющем большинстве отсылочных толкований более вероятным представляется мнение

М.И. Чернышевой, что отсылка в САР давалась на более распространенное в языке слово: «При наличии двух наименований, например, растений, отсылка дается от одного названия к другому, по-видимому, более распространенному, независимо от его происхождения, например: *Блошки*, шекъ. множ. Трава. смотри *Портулакъ* (I, 229). *Блошникъ*, ка. с. м. Трава. смотр. *Папоротникъ* (Там же)» [24. С. 29–30].

Отсылочные толкования

Синонимы разной географической или стилистической принадлежности (литературные, просторечные, диалектные слова), как мы видели выше, могли толковаться независимо друг от друга или посредством отсылок на другие словарные статьи. Отсылочные толкования всегда представляли значительную сложность для лексикографов, и, как в почти каждом словаре, в САР можно встретить закольцованные отсылки и глухие ссылки, ведущие к отсутствующим словарным статьям, например: «*БРОСКВИНА*. См. *Шаптала*, *Персикъ*» [5. Ч. 1. С. 353], «*ПЕРСИКИ*. См. *Шептала*» [5. Ч. 4. С. 773], «*ШЕПТАЛА*. См. *Персикъ*» [5. Ч. 6. С. 870]; «*ГУМЕНЦО ПОПОВО*. Трава. см. *Одуванчикъ*» [5. Ч. 2. С. 432], «*КУЛЬБАБА...* Трава. См. *Одуванчики*» [5. Ч. 3. С. 1062], «*ОДУВАНЧИКИ...* Тр. См: *Попово гуменцо*» [5. Ч. 4. С. 620] (*Попово гуменцо* и *одуванчикъ* отсутствуют как заголовочные слова словарных статей, но приводятся как эквивалентные названия в статье *ХАСИМЪ* [5. Ч. 6. С. 506]).

Иногда наблюдается путаница с перекрестными отсылками, как, например, в статье «*АКАЦІЯ...* Гр: *Дерево*. См. *Тернъ*, *глохъ*, и *гороховое дерево*» [5. Ч. 1. С. 15]. К фитониму *ТЕРНЪ* также отсылают статьи *БОДЛЯКЪ* [5. Ч. 1. С. 260] и *ДРАЧІЕ* [5. Ч. 1. С. 745], а к фитониму *ГЛОХЪ ДЕРЕВО* – статья *ВИШНИ КОРНИЛЕВЫ* [5. Ч. 1. С. 722]. Статья *ГЛОХЪ* отсутствует. При этом в статье *ГОРОХОВОЕ ДЕРЕВО* растение определяется как *Robinia Caragana* (в современной систематике – *Caragana arborescens* Lam., карагана древовидная) [5. Ч. 1. С. 256], а в статье *ТЕРНЪ* – как *Prunus spinosa* L. терновник / слива колючая [5. Ч. 6. С. 101].

В статье *ЧИСТОТЪЛЬ* фитоним толкуется как *Chelidonium majus* и отсылает к отсутствующей статье *БОРОДАВОШНИКЪ* [5. Ч. 1. С. 783–784]; статья *ЧИСТЯКЪ* отсылает к статье *БОРОДАВОЧНИКЪ*,

также отсутствующей [5. Ч. 6. С. 796]. Помимо этого, имеется статья «ПЪТУШОКЪ. Трава, иначе Чистякъ. См: Ирѣ» [5. Ч. 4. С. 1257]. Статья ИРЬ снабжена латинским названием *Iris* и толкованием «разныя породы травъ однородныхъ»; она отсылает к статье КОСАТНИКЪ [5. Ч. 3. С. 313]. К последней отсылает и статья САБЕЛЬНИКЪ [5. Ч. 5. С. 297]. Фитоним в статье КОСАТНИКЪ также толкуется как «различныя однородныя травы», с латинским родовым названием *Iris* [5. Ч. 3. С. 862]. Таким образом, лексема *чистякъ*, с одной стороны, входит в цепочку *чистотгль / бородавочникъ / чистякъ (Chelidonium majus L.)*, а с другой – в цепочку *пѣтушокъ / чистякъ / ирь / косатникъ / сабельникъ* (очевидно, относящуюся к видам рода *Iris*).

Таким образом, составители САР, с одной стороны, использовали наработки предшествующих лексикографов и опирались на составленные ранее Аналогические таблицы, с другой – в качестве источников были привлечены новые материалы – экспедиционные заметки путешественников XVIII в., что привело к стилистической разнородности ботанической лексики. При подаче фитонимов не удалось избежать некоторых типичных для словарной работы недочетов. К лексикографическим «огрехам» можно отнести глухие ссылки и отсутствие географических помет у ряда локализмов. Отдельные названия растений встречаются только в тексте толковой части, и для выяснения их значений необходимо специальное исследование.

Список источников

1. Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. М. ; Л. : Наука, 1964. 220 с.
2. Щербакова А.А. История ботаники в России до 60-х гг. XIX века (додарвинский период). Новосибирск : Наука, 1979. 368 с.
3. Итунина А.Л. Формирование ботанической терминологии в языке русской науки XVIII – первой четверти XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1999. 281 с.
4. Петрова З.М. Язык русской ботанической науки XVIII века // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю.С. Сорокина. СПб. : Наука, 1999. С. 40–54.
5. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.
6. Вомперский В.П. Словари XVIII века. М. : Наука, 1986. 137 с.
7. Биржакова Е.Э. Лексикография XVIII века // История русской лексикографии. СПб. : Наука, 2001. С. 59–126.
8. Мольков Г.А. Анонимный русско-латинско-немецкий лексикон середины XVIII века из собрания Библиотеки Академии наук: принципы составления словника // Вопросы лексикографии. 2021. № 22. С. 48–63.

9. Аверьянова А.П. Рукописный лексикон Татищева // Ученые записки ЛГУ. 1957. № 197. Серия: Филологические науки. Вып. 23. С. 25–83.

10. Макеева В.Н. Русская лексикография 40–50-х годов XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. IV. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1960. С. 180–205.

11. Сухомлинов М.И. История Российской Академии // Сборник ОРЯС. Т. XLIII, № 4. СПб., 1888. 493 с.

12. Макеева В.Н. Неизвестный отрывок первого академического словаря // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. IV. С. 88–97.

13. *Zielnik* Herbarzem z ięzyka Łacinskiego zowią [...] pilnie zebrane a porządnie zapisane przez D. Simona Syrennivsa. Cracoviae, 1613. URL: <https://dlibra.bibliotekaelblaska.pl/dlibra/publication/49317/edition/44476/content> (дата обращения: 18.12.2023).

14. *Рукописный* лексикон первой половины XVIII века / Подготовка текста и вступ. статья А.П. Аверьяновой. Л. : Изд-во ЛГУ, 1964. 401 с.

15. *Дикционер* или Речениар по алфавиту российских слов о разных произращениях... собранный и сочиненный Императорской Академии наук коллежским ассессором К. Кондратовичем. СПб., 1780. 168 с.

16. Быкова Т.А. Заметки о редких русских изданиях в собрании ГПБ // XVIII век. М. ; Л., 1959. Сб. 4. С. 395–403.

17. Винокур Г.О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1789–1794) // Вестник Московского университета. 1947. № 5. С. 27–48.

18. Симоненко А.Е. О принципах выделения специальной лексики в общих словарях XVIII – начала XIX в. // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю.С. Сорокина. СПб. : Наука, 1999. С. 55–60.

19. Коваленко К.И. Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 440 с.

20. *Дневные* записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства... СПб., 1771–1805. Ч. 1–4.

21. П.С. Палласа... Путешествие по разным провинциям Российской империи. [Перев. с нем.]. СПб., 1773–1788. Ч. 1–3.

22. Самуила Георга Гмелина... Путешествие по России для исследования трех царств естества / пер. с нем. СПб., 1771–1785. Ч. 1–3.

23. Рудакова И.Ф. «Словарь Академии Российской» 1789–1894 : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965. 206 с.

24. Чернышева М.И. Состав и структура Словаря Академии Российской // Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2002. Т. 2. С. 12–46.

25. Греч Н.И. Замечания касательно нового издания Русского словаря // Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. I, вып. VII. Стб. 334–338.

26. Трубочев О.Н. Лепехин Иван Иванович // Словарь Академии Российской. М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2002. Т. 2. С. 50–53.

27. *Описание Земли Камчатки* соч. Степаном Крашенинниковым. СПб., 1755. Т. 1.
28. *Leske N.G.* Anfangsgründe der Naturgeschichte. Verlag Crusius Leipzig 1779; 2. verb. u. verm. Ausgabe mit 12 Kupfertafeln ebd. 1784.
29. *Начальные* основания естественной истории, содержащая царства животных, произрастений и ископаемых. СПб., 1791. 468 с.
30. *Caroli Linnæi ... Flora zeylanica; sistens plantas indicas Zeylonæ insulae; quæ olim 1670–1677, lectæ fuere a Paulo Hermanno ... demum post 70 annos ab Augusto Günthero... orbi redditæ...* Holmiæ, sumtu & literis L. Salvii, 1747.
31. *Князькова Г.П.* О диалектной лексике в русском языке XVIII века (к постановке вопроса) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М. ; Л. : Наука, 1966. С. 108–145.
32. *Словарь русских народных говоров.* Вып. 1–. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 27.

References

1. Kutina, L.L. (1964) *Formirovanie yazyka russkoi nauki* [Forming the Russian science language]. Moscow; Leningrad: Nauka.
2. Shcherbakova, A.A. (1979) *Istoriya botaniki v Rossii do 60-kh gg. 19 veka (dodarvinovskii period)* [History of botany in Russia before the 1860s (pre-Darwinian period)]. Novosibirsk: Nauka.
3. Itunina, A.L. (1999) *Formirovanie botanicheskoy terminologii v yazyke russkoy nauki 18 – pervoy chetverti 19 veka* [Forming botanical terminology in the language of Russian science of the 18th – 1st quarter of the 19th centuries]. Philology Cand. Diss. Smolensk.
4. Petrova, Z.M. (1999) *Yazyk russkoy botanicheskoy nauki 18 veka* [The language of Russian botanical science of the 18th century]. In: Petrova, Z.M. (ed.) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka. Pamyati Yu.S. Sorokina* [Essays on the historical lexicology of the Russian language. In memory of Yu.S. Sorokin]. St. Petersburg: Nauka. pp. 40–54.
5. Imperial Academy of Sciences. (1789–1794) *Slovar Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Parts 1–6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
6. Vomperskiy, V.P. (1986) *Slovari XVIII veka* [Dictionaries of the 18th century]. Moscow: Nauka.
7. Birzhakova, E.E. (2001) *Leksikografiya 18 veka* [Lexicography of the 18th century]. In: *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka. pp. 59–126.
8. Molkov, G.A. (2021) A Mid-18th-Century Anonymous Slavic-Latin-German Lexicon From the Collection of the Library of the Russian Academy of Sciences: Principles of Compiling the Glossary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 22. pp. 48–63. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/22/3
9. Averyanova, A.P. (1957) *Rukopisnyy leksikon Tatishcheva* [Tatishchev's handwritten lexicon]. *Uchenie zapiski LGU. Seriya Filol. nauki*. 197 (23). pp. 25–83.

10. Makeeva, V.N. (1960) Russkaya leksikografiya 40-50-kh godov XVIII v. i Lomonosov [Russian lexicography of the 1740s–1750s and Lomonosov]. In: *Lomonosov. Sbornik statey i materialov* [Lomonosov. Collection of articles and materials]. Vol. 4. Moscow–Leningrad: USSR AS. pp. 180–205.
11. Sukhomlinov, M.I. (1888) Istoriya Rossiiskoi Akademii [History of the Russian Academy]. *Sbornik ORYaS*. 43 (4).
12. Makeeva, V.N. (1963) Neizvestnyy otryvok pervogo akademicheskogo slovarya [An unknown excerpt from the first academic dictionary]. In: *Leksikograficheskiy sbornik* [Lexicographic collection]. Vol. 4. Moscow. pp. 88–97.
13. Syrennivs, S. (1613) *Zielnik Herbarzem z ięzyka Łacinskiego zowiq [...] pilnie zebrane a porzadnie zapisane przez D. Simona Syrennivsa*. Cracoviae. [Online] Available from: <https://dlibra.bibliotekaelblaska.pl/dlibra/publication/49317/edition/44476/content> (Accessed: 18.12.2023).
14. Averyanova, A.P. (ed.) (1964) *Rukopisnyy leksikon pervoy poloviny 18 veka* [Handwritten lexicon of the 1st half of the 18th century]. Leningrad: LSU.
15. Kondratovich, K. (1780) *Diksioner ili Recheniar po alfavitu rossiyskikh slov o raznykh proizrashcheniyakh... sobrannyi i sochinennyy Imperatorskoy Akademii nauk kollezhskim asessorom K. Kondratovichem* [Dictionary or Glossary in alphabetical order of Russian words about various plants... collected and composed for the Imperial Academy of Sciences by collegiate assessor K. Kondratovich]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
16. Bykova, T.A. (1959) Zametki o redkikh russkikh izdaniyakh v sobranii GPB [Notes on rare Russian publications in the State Public Library collection]. In: *18 vek* [18th century]. Vol. 4. Moscow–Leningrad. pp. 395–403.
17. Vinokur, G.O. (1947) K istorii normirovaniya russkogo pis'mennogo yazyka v kontse XVIII veka (Slovar' Akademii Rossiyskoy, 1789–1794) [On the Russian written language standardization history late in the 18th century (Dictionary of the Russian Academy, 1789–1794)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 5. pp. 27–48.
18. Simonenko, A.E. (1999) O printsipakh vydeleniya spetsial'noy leksiki v obshchikh slovaryakh XVIII – nachala XIX v. [On the special lexis identifying principles in general dictionaries of the 18th – early 19th centuries]. In: Petrova, Z.M. (ed.) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka. Pamyati Yu.S. Sorokina* [Essays on the historical lexicology of the Russian language. In memory of Yu.S. Sorokin]. St. Petersburg: Nauka. pp. 55–60.
19. Kovalenko, K.I. (2018) *Azbukovnik Davida Zamaraya kak istochnik po russkoy leksikografii XVII veka* [Lexicon by David Zamarai as a source on Russian lexicography of the 17th century]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
20. Lepekhin, I. (1771–1805) *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad"yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva...* [Daily notes of the travel by Ivan Lepekhin, doctor and adjunct of the Academy of Sciences, in various provinces of the Russian state...]. Parts 1–4. St. Petersburg.
21. Pallas, P.S. (1773–1788) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii* [Traveling through various provinces of the Russian Empire]. Parts 1–3. Translated from German. St. Petersburg.

22. Gmelin, S.G. (1771–1785) *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv estestva* [Travel across Russia to explore the three kingdoms of nature]. Parts 1–3. Translated from German. St. Petersburg.
23. Rudakova, I.F. (1965) “*Slovar Akademii Rossiyskoy*” 1789–1894 [Dictionary of the Russian Academy, 1789–1894]. Philology Cand. Diss. Leningrad.
24. Chernysheva, M.I. (2002) *Sostav i struktura Slovary Akademii Rossiyskoy* [Composition and structure of the Dictionary of the Russian Academy]. In: *Slovar’ Akademii Rossiyskoïy 1789–1794* [Dictionary of the Russian Academy, 1789–1794]. Vol. 2. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy. pp. 12–46.
25. Grech, N.I. (1852) *amechaniya kasatel’no novogo izdaniya Russkogo slovary Akademii Nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. 1 (7). Col. 334–338.
26. Trubachev, O.N. (2002) *Lepekhin Ivan Ivanovich* [Lepekhin Ivan Ivanovich]. In: *Slovar Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 2. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy. pp. 50–53.
27. Krasheninnikov, S. (1755) *Opisanie Zemli Kamchatki soch. Stepanom Krasheninnikovim* [Description of the Kamchatka Land written by Stepan Krasheninnikov]. Vols 1–2. St. Petersburg.
28. Leske, N.G. (1779; 1784) *Anfangsgründe der Naturgeschichte*. Leipzig: Verlag Crusius; 2. verb. u. verm. Ausgabe mit 12 Kupfer Tafeln ebd.
29. Kirvan, Severgin, V., & Ekaterina Alekseevna. (1791) *Nachal’nyya osnovaniya estestvennoy istorii, sodержashchiya tsarstva zhivotnykh, proizrastenyi i izkopaemykh* [The initial foundations of natural history, containing the kingdoms of animals, plants and fossils]. St. Petersburg: Pechatano v Imperatorskoy tip., izhdiveniem Ivana Veytbrekhta.
30. Linnaeus, C. (1747) *Caroli Linnæi ... Flora zeylanica; sistens plantas indicas Zeylonæ insulae; quæ olim 1670–1677, lectæ fuere a Paulo Hermannno ... demum post 70 annos ab Augusto Günthero ... orbi redditæ ... Holmiæ, sumtu & literis L. Salvii*.
31. Knyazkova, G.P. (1966) *O dialektnoy leksike v russkom yazyke XVIII veka (k postanovke voprosa)* [On dialect lexis in the 18th-century Russian language (On posing the question)]. In: *Protsessy formirovaniya leksiki russkogo literaturnogo yazyka (ot Kantemira do Karamzina)* [Processes of forming the Russian literary language vocabulary (from Kantemir to Karamzin)]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 108–145.
32. Filin, F.P. et al. (eds) (1965–present) *Slovar russkikh narodnikh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

Сведения об авторах:

Коваленко Кира Иосифовна – канд. филол. наук, научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kkovalenko@eu.spb.ru

Колосова Валерия Борисовна – канд. филол. наук, исследователь Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: chakra@eu.spb.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kira I. Kovalenko, Cand. Sci. (Philology), researcher, European University at St Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation); researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kkovalenko@eu.spb.ru

Valeria B. Kolosova, Cand. Sci. (Philology), researcher, European University at St Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation); senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: chakra@eu.spb.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.*

*The article was submitted 19.12.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 01.03.2024*

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья
УДК 81'374
doi: 10.17223/22274200/31/3

Иллюстративная зона регионального словаря: структура и содержательный потенциал интенционально фрагментированных воспоминаний носителей говоров

Ольга Геннадиевна Борисова¹, Людмила Юрьевна Костина²

^{1, 2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ogborisova@mail.ru

²patriot30@mail.ru

Аннотация. На основе регионального словаря проанализированы структурные типы интенционально фрагментированных иллюстраций-воспоминаний. Показано, что, несмотря на фрагментированность, они обладают значительным информативным потенциалом, реализуя содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и оценочно-эмоциональную информацию. Отмечаются возможности использования иллюстративного мегатекста для разноаспектного изучения устных воспоминаний сельских жителей разных регионов России.

Ключевые слова: словарь, региональная лексикография, устные воспоминания, иллюстративная зона словаря, содержательно-фактуальная информация, содержательно-концептуальная информация, оценочно-эмоциональная информация

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20008 «Устные рассказы-воспоминания жителей Кубани: лингвоконцептологический, лексикографический, образовательный и социально-гуманитарный потенциал».

Для цитирования: Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Иллюстративная зона регионального словаря: структура и содержательный потенциал интенционально фрагментированных воспоминаний носителей говоров // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 43–62. doi: 10.17223/22274200/31/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/31/3

The illustrative area of a regional dictionary: Structure and content potential of intentionally fragmented recollections of sub-dialect speakers

Olga G. Borisova¹, Lyudmila Yu. Kostina²

^{1, 2} *Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation*

¹ *ogborisova@mail.ru*

² *patriot30@mail.ru*

Abstract. The article covers the various-aspect informative value of illustrative recollections in a regional dictionary. Its aim is to identify structural features of the illustrative area of the regional dictionary and its potential of presenting various types of information about antecedency. *An Essay on the Dictionary of Kuban Region Sub-Dialects* is taken as a source for examination, with a significant part of justifying examples therefor sampled from materials recorded by the authors of the article during multiyear dialectological expeditions. Pursuant to the purposes of lexicography, dialect macrotexts were subject to fragmentation, i.e. extraction of fragments of various size and structure in their shortened form. The article provides a graduated scale of intentional fragmentation by way of four structural types of intentionally fragmented illustrative recollections: illustrative recollections with actualized composition; illustrative recollections with reduced composition; illustrative recollections with zero composition; one-word remarks, equal to a dialect word, in an illustrative dialogue. The article demonstrates the informative potential of the identified structural types of illustrative recollections and its determinancy by volume. It defines the priority of illustrative recollections with actualized composition for communicating factual content. It also demonstrates that the informative value of illustrative recollections with reduced composition, as well as with the zero one, is ensured by presuppositions which exist in the subtext and must be present in the linguistic consciousness of the reader. The article notes the informative single-aspect feature of one-word remarks, equal to a dialect word, as part of an illustrative dialogue. The analysis of conceptual content, incorporated into illustrative recollections about singing and attitude towards singing in the past, proves the persistence of traditional cultural values of the Kuban Cossacks in the consciousness of Kuban region residents. The article concludes that the actualization of evaluative emotional content and conceptual content allows for illustrative recollections to be viewed as axiological texts by virtue of ethical and esthetical impact on the dictionary reader. In conclusion, the authors establish that the illustrative area of *An Essay on the Dictionary of Kuban Region Sub-Dialects*, due to broad presence of oral recollections therein, makes it a reliable

source for their various-aspect study, due to the fact that the dictionary reconstructs the world of the past and reflects ethnical beliefs of the Kuban region dialect community. The findings allow for the argument that the regional dictionary, with its position at the intersection of two directions of communicational impact, i.e. between the collector and the informant, between the dictionary addressee and the lexicographer, is able to provide a mediated communicative contact between the dialect speaker and the reader, making the voice of the narrator heard through space and time.

Keywords: dictionary, regional lexicography, oral memories, illustrative area of the dictionary, factual content, conceptual content, evaluative emotional content

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-20008.

For citation: Borisova, O.G. & Kostina, L.Yu. (2024) The illustrative area of a regional dictionary: Structure and content potential of intentionally fragmented recollections of sub-dialect speakers. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 31. pp. 43–62. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/31/3

Введение

В настоящее время возрастает интерес лингвистов к жанру устных воспоминаний (см. работы С.В. Волошиной, Л.Г. Гынгазовой, Т.А. Демешкиной, О.П. Кормазиной, Н.В. Лагута, Я.В. Мызниковой и др.). Чрезвычайно важным представляется изучение воспоминаний жителей разных регионов России, что позволит внести определенный вклад в исследование регионального варианта национального языка и мировидения его носителей.

Источники устных воспоминаний разнообразны. Ценные материалы о прошлой жизни могут предоставить региональные словари, многие составители которых, разделяя идеи антропоцентризма, уделяют особое внимание формированию иллюстративной зоны, стремясь соответствовать актуальному требованию лексикографии – отражать жизнь слова и жизнь человека в нём. Данные для региональных словарей собираются на основе словарных картотек, созданных в большинстве своем по результатам полевых экспедиций, в которых языковой материал собирается в процессе беседы с информантом. При этом значительная роль отводится методу ретроспекции, предполагающему постепенную смену картины современного диалектного ландшафта рядом реконструированных предшествующих ландшафтов прошлого, в силу чего основным содержанием бесед становятся вос-

поминания информанта. По этой причине в иллюстративной зоне регионального словаря значительную часть оправдательных примеров составляют отрывки из рассказов-воспоминаний.

Цель данной статьи – выявление структурных особенностей иллюстративной зоны регионального словаря (иллюстративный мегатекст) и её потенциала в представлении разных видов информации о прошлой жизни. Материалом для наблюдений послужили иллюстрации из «Опыта словаря кубанских говоров» [1] – словаря дифференциального типа, отражающего лексику и фразеологию кубанского диалекта на всей территории его бытования. Значительная часть оправдательных примеров отбиралась из материалов, собранных авторами статьи в полевых экспедициях 2005–2019 гг., – макротекстов, расшифрованных приёмом малограмотного письма, границы которых устанавливались на формальной основе, соответствуя зарегистрированной на аудионосителях непрерывной беседе с информантом. Такие диалектные макротексты обладают политематическим и полижанровым единством [ср. 2. С. 136]. При преобразовании в иллюстративный мегатекст они подвергаются лексикографом фрагментированию – выделению разнообъёмных и разноструктурных фрагментов в соответствии с целями лексикографирования. Таким образом, оправдательные примеры в региональном словаре являются *интенционально фрагментированными*.

Фрагментирование словарных иллюстраций обусловлено следующими факторами: 1) установкой (интенцией) лексикографа на раскрытие разноаспектных характеристик леммы; 2) объёмом речевого продукта, созданного диалектоносителем. Фрагментирование рассказов-воспоминаний сводит их содержание к усечённой структуре, которая может быть представлена на градуальной шкале интенциональной фрагментированности следующим образом: иллюстрации-воспоминания с реализованной композицией – иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией – иллюстрации-воспоминания с нулевой композицией – однословные реплики, равные диалектному слову, в иллюстрации-диалоге. Рассмотрим выделенные структурные типы более подробно.

Иллюстрации-воспоминания с реализованной композицией

Ведущей интенцией лексикографа при составлении «Опыта...» было выделение в записях речи информантов «микротекстов, содержание которых направлено на семантизацию, лингвистическую и

экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой языковой единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи» [3. С. 13]. Именно таким иллюстрациям, или лексорассказам (буквально: *рассказ*, ключевой в котором является лексикографируемая лексическая единица – *лекс*), отдавалось предпочтение.

Чтобы придать словарной иллюстрации цельность и завершённость, составитель в процессе фрагментирования макротекста, сохраняя первозданность языкового материала, стремился выделить лексорассказ с реализованной композицией, т.е. включающий вступление, основную часть и заключение. Подчеркнём, что структура лексорассказа обусловлена отнесённостью речи информанта к определённом функциональному типу: повествованию, описанию, рассуждению.

Повествование, как известно, обладает трёхчастной структурой, в которой выделяются завязка (начало события), кульминация (развитие события) и развязка (конец события). См., напр.:

(Завязка) *Ну тогда, у три́цать три́тым, голодо́вка була́.* (Развитие события) *А мы с Ната́шэй вы́жылы. А пото́м як откры́лась у станы́цы дизинте́рия. Шо нэ ску́шае чёлови́к, и обиза́тильно такы́й поно́с, такы́й и с кро́вью. Называ́юща «риза́чка» по-на́шиму языко́ви, шо мы бала́каим.* (Кульминация) *От э́та риза́чка и зари́зала Ната́шу.* (Развязка) *Остала́ся я одна́* (ст-ца Нововеличковская) [1. С. 353].

Частотность повествования в иллюстративной зоне обусловлена «приоритетностью эмпирико-событийного содержания <...> по отношению к содержанию обобщенно-логическому» [2. С. 134] в речи диалектоносителей.

Структура описания состоит из перечисления и раскрытия основных характеристик реалий. В «Опыте...» весьма распространёнными оказались описания предметов старого быта. См., напр.:

Комы́ш поко́сят. Була́ струга́чка. Жэ́ница на ту струга́чку ни потя́нит. Э́та з зубчи́ками, на двух́ дли́нных па́лках, дирежа́ка́х. И э́тими дирежа́ка́ми струга́ши на льду́, а пото́м згриба́ши. А пото́м приво́зят гарбу́, кида́им туды́ и вэзэ́м до до́му топы́ть (ст-ца Канеловская) [1. С. 405].

Лексорассказы-описания – своеобразное продолжение толкования леммы, дополняющее его ценными деталями, что особенно важно в воспоминаниях о реалиях прошлого.

Третий функциональный тип текста – рассуждение, в котором информант излагает, подтверждает или опровергает какую-либо мысль. Композиция лексорассказа-рассуждения обычно состоит из тезиса, аргументов и заключения. См., напр.:

(Тезис) *А я нэ хоте́ла за ёго выхо́дить за́миж, (Аргументы) потому́ шо у мэ́нэ систра́ два́цать пя́того го́ду и брат дваца́того го́ду – ныжына́тый, потому́ шо вин на костыля́х ходы́в. Потому́ шо тоди́ был поря́док такы́й, шо е́сли я вы́йду за́миж, а ти оста́нуця, то як вроди́ я их пид ко́рыто пидсады́ла. (Заключение) Ну така́ погово́рка, така́ посло́выця, шо я вроди́ прэдала́ их, пидсады́ла пид ко́рыто* (пос. Заречный) [1. С. 320].

Отметим, что для лексорассказов-воспоминаний «Опыта...» характерна неоднородность типологической структуры – совмещение двух типов речи [3. С. 324–327].

Среди иллюстраций заметно преобладание монологических над диалогическими, поскольку в роли информантов выступали, как правило, пожилые женщины, которым присущи развёрнутые монологи. См., напр.:

Боле́зня була́ «со́яшныцы». То́чно ны зна́ю, как назва́ть. Но я сама́ в де́цтви, в двина́цать – тры́нацать лет пи́ринисла́ иё. Но, наве́рное, за́ворот ки́шк. Ду́жэ здо́рово боли́в жы́ви́т: спы́рва́ круго́м пу́на, а тоди́ весь жы́ви́т. Так боли́в, шо я по всьі́й доли́вки в ха́ти ла́зыла и кры́чала од бо́ли. Тоди́ назука́лы жэ́нщину. Вона́ мэ́нэ на́чала личи́ть. Я лягла́ на спы́ну, вона́ на пу́зо (жы́ви́т) поста́вила мы́ску з водо́ю (воды́ тро́шкы), в во́ду поста́вила глы́няный кушы́н, в ёго положи́ла па́клю с пряди́ва и запала́ла. А як заго́рилась па́кля, пы́рывы́рну́ла кушы́н вве́рх дном и потро́шкы, потро́шкы ста́ло мини́ лэ́хшэ, и я засну́ла – и пы́рыста́ло боли́ть (ст-ца Азовская) [1. С. 394].

Лексорассказы-диалоги, как правило, представляют собой разговор собирателя и информанта. См., напр.:

Я с му́жым жы́ла. У на́с три го́да не́ была дите́й. Ма́ть атвила́ з ба́пки, ана́ сказа́ла, што зала́тні́к ни на ме́сти. Ана́ мне всё напра́вила, увиза́ла, и я чыты́рэх ради́ла. – А золоти́к – это что такое? – Я вот сама́ ни зна́ю. Ба́пка мне ни абья́сни́ла. Там вну́три вот, где пуно́к. «Он ходи́т», – гавари́т. А йиво́ вот, как ля́жыш, па́льцэ́м на́жыма́иш, от ту́т, ни́жэ пупка́, и он, зала́тні́к, бьё́цца, как се́рцэ́ (ст-ца Владимирская) [1. С. 149].

Включение в иллюстративную зону словаря лексорассказов – иллюстраций-воспоминаний с реализованной композицией – позволяет обеспечить максимальное воссоздание естественной коммуникации на диалекте.

Иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией

Композиция иллюстраций-воспоминаний может быть редуцированной, если в ней отсутствуют традиционно выделяемые структурные части, что зависит от зафиксированного речевого продукта, причем степень редукции композиции различна. См., напр.:

(Нет завязки) (Развитие действия) *А вжэ́ як привизлы́ конба́йн, як пусты́лы ёго, ба́бы крыча́т: «Ой! Пропа́л хлеб!»* (Развязка) *Мы ж ро-сты́лы, достава́лося го́рько* (хут. Братский) [1. С. 183]. (Завязка) *Нас Ку-ба́нь спаса́ла,* (Развитие действия) *да е́сли б ни пла́вня, мы б... ни зна́ю... Там чаканьця́ кореньця́ копа́лы, а там ко́рень такы́й, высу́шым ёго, и мука́ пото́м ужэ́* (Нет развязки) (ст-ца Варениковская) [1. С. 451].

В редуцированном виде композиция может реализовываться и в рамках одного предложения. См., напр.:

(Завязка) *Тут начала́сь война́,* (Развязка) *и ко́нчилась моя́ шко́ла, пи-шла́ я робо́ть* (с. Братковское) [1. С. 355].

Для предложений, из которых состоят иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией, характерна смысловая или (и) структурная неполнота. См., напр.:

А дары́лись ни та́к... Усе́ бо́льша худо́бу, пасу́ду (ст-ца Воздвиженская) [1. С. 91]. *Чирке́сы ча́ста напада́ли. Така́я жы́вуха тут была́* (ст-ца Некрасовская) [1. С. 118].

Существенная особенность иллюстраций-воспоминаний с редуцированной композицией – наличие в них не выраженного вербально «глубинного» содержания, под которым понимается скрытая содержательно-фактуальная (рассказ о событиях прошлого) и содержательно-концептуальная информация (понимание рассказчиком отношений между событиями, их причинно-следственных связей, значимости в собственной судьбе, жизни диалектного сообщества, в сложном пси-

хологическом и эстетико-познавательном взаимодействии его членов) [4. С. 27–28; 5. С. 11].

В подобных словарных иллюстрациях универсальная текстовая категория связности проявляется между вербально оформленным содержанием и не оформленным словесно, но присутствующим в подтексте благодаря внетекстовым структурам, т.е. пресуппозициональным пластам лексических единиц, входящих в оправдательный пример. Эти пресуппозиции обеспечивают объёмность и многомерность содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации.

Так, содержание иллюстративного примера *Я ти́кы тры го́да була́ за́мужом. Вайна́...* (г. Кореновск) [1. С. 416] гораздо шире вербально представленного: между предложениями возникают причинные отношения, каузальность создается за счет актуализации универсальной логической пресуппозиции (*На войне гибнут мужчины*). Кроме того, диалектная ограничительно-выделительная частица *ти́кы* ‘только’, выступающая в роли леммы в словарной статье, в данном фрагменте играет особую смыслоорганизующую роль, поскольку делает возможным наличие дополнительного смыслового пласта: рассказчица после гибели мужа на фронте больше не выходила замуж, ее судьба была похожа на судьбы многих женщин, навсегда оставшихся вдовами из-за больших потерь мужчин на войне. Второе предложение *Война...* можно отнести к эллиптическим конструкциям, так как оно, будучи односоставным номинативным, формально полным, демонстрирует семантическую неполноту (на это указывает и многоточие, передающее соответствующую интонацию информанта). Подобные синтаксические единицы обладают «значительными смысловыми возможностями в силу того, что они своей лингвистической природой предназначены выражать подтекстное (скрытое) содержание» [5. С. 71]. Выразительность и воздействующая сила эллиптических конструкций обусловлена присутствующей в них недоговоренностью, которая, стимулируя воображение как слушателя, так и читателя словаря, как бы «деавтоматизирует» восприятие ими содержания высказывания, обеспечивая адресатам широкие возможности для восполнения скрытой информации при условии наличия у них широкого вертикального контекста (исторического, культурологического, лингвистического), в силу того что анализируемые эллиптические конструкции достраиваются посредством обращения к внетекстовой ин-

формации. Таким образом, не выраженное вербально «глубинное» содержание приведённого оправдательного примера включает как содержательно-фактуальную информацию, так и эмоционально-экспрессивную и содержательно-концептуальную: неупоминание, отнесение в подтекст событий и причинно-следственных связей между ними, восстанавливаемых из контекста, всегда носит концептуальный характер.

Иллюстрации-воспоминания с нулевой композицией

Максимальной степенью редукции обладают представляющие собой единичное высказывание иллюстрации, которые можно рассматривать как конструкции с нулевой композицией, равные по структуре простому предложению или сложному с тесной связью частей: напр., сложноподчинённому нерасчлененной структуры с присловной связью, сложносочиненному или бессоюзному сложному, имеющим в своём составе анафорические элементы или другие средства связи. Они содержат информацию об отдельном (в некоторых случаях расчлененном) факте прошлого, являясь монопропозитивными или полипропозитивными. См., напр.:

Малако́ дэ́ржа́лы в глэ́чиках (ст-ца Динская) [1. С. 77]. *Вдо́ма на́шы стари́ хлип пэ́клы́, а на́м сюды́, у стэ́п, прыно́сылы ди́ты* (ст-ца Старомышастовская) [1. С. 43]. *Зем была́, ма́зали зем* (ст-ца Воздвиженская) [1. С. 146]. *Бы́ли ве́дьмы, като́рыи каро́в даи́ли и порчэ́ де́лали* (с. Кулешовка) [1. С. 320].

Однословные реплики, равные диалектному слову, в иллюстрации-диалоге

Иллюстрации диалогической структуры могут содержать как развёрнутые ответы, так и воспоминания из однословных реплик, представляющих собой диалектный историзм или архаизм. См., напр.:

– Как называли железную обувь, в которой косили камыш по льду? – *Жыле́зныи чу́ни* (ст-ца Копанская) [1. С. 461]. – Как называлась керосиновая лампа? – *Га́сник* (ст-ца Тенгинская) [1. С. 74]. – Как называли приспособление для первичной обработки конопля? – *Те́рница* (ст-ца Ширванская) [1. С. 415].

Информант может также приводить синонимы: – Как назывался земельный надел казака? – *Пай, план* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 297]. Отметим немногочисленность таких оправдательных примеров в иллюстративном мегатексте «Опыта...» в силу их информативной одноаспектности – констатации устаревшей номинации в говоре.

Содержательно-фактуальная информативность интенционально фрагментированных воспоминаний

Безусловно, объем иллюстративного материала детерминирует его информативность. Значительная часть оправдательных примеров в «Опыте...» включает содержательно-фактуальную информацию, что обусловлено как особенностями диалектной картины мира, в частности её конкретностью, слиянностью с природой, бытом, так и принципами сбора языкового материала для словаря. По содержанию иллюстрации-воспоминания тематически разнообразны. Представим это на примере отдельных тематических сфер.

Быт: Ну быт був ду́жэ прасты́й, о́чинь всё про́ста-про́ста. От ще колы́ я ма́ла́ бу́ла, ба́бушка раска́звала, но вот ва́на сваё́ де́цтва ка́да́ вспамина́ла, гава́рила, шо у ни́х ище́ и тари́лак да́жэ тада́ не́ была. И ва́рылы ото́ карто́плю, ва́рылы карто́шку и ута́к высы́пали на сти́л пасриди́ни (ма́ма высы́пала и́ши). И ба́тько пэ́рвым бра́в оту́ карто́плю, а ужэ́ па́том де́тям мо́жна бы́ла и́ши бра́ты (ст-ца Кущёвская) [1. С. 163].

Одежда и обувь: А хо́дылы мы, де́тка, е́сли с ко́ня шу́ра и́ли с ко́ро́вы, то посто́лы по́шьёи, то нэ́ та́к во́да́ и́дэ. А с ко́зы, з бара́шкы, а нэ́ дай Бо́х ис сви́ньи, как че́риз рэ́шыто́ во́да́ и́шла. Вот мы в че́м хо́дылы. Мы нэ́ по́нима́лы, шо тако́е ту́фли (пос. Ахтырский) [1. С. 323].

Постройки и их части: Тоди́ ли́скы бу́лы, пэ́рэла́зы бу́лы. Пэ́рэла́з, мо́жэ, хто́ нэ́ по́нима́е, шо цэ́ такэ́? Ну пэ́рэла́зыть. То в ка́ли́тку, а то два́ сто́вбчика, и че́рэз ли́ску до́ще́чка, и по́ то́й до́ще́чки пэ́рэла́зылы че́рэз ли́ску (ст-ца Марьянская) [1. С. 291].

Реалии прошлого: – Как называлось то, на чём рубили дрова? – Ка́ло́да, дра́васе́ка. Чу́рба́к тако́й, ло́жыи на ни́е и руба́иш. А щас бе́нзапи́ло́й (ст-ца Линейная) [1. С. 106].

Обрядность: Бу́л та́кы́й обы́чай: кла́лы ря́дно за воро́тамы и на э́том ря́дни та́нцова́лы, во́до́й поли́ва́лы и броса́лы де́ньги, ме́лочь, а ниве́ста э́ту ме́лочь до́лжна́ бу́ла́ собра́ть, шо́б она́ бу́ла́ бо́га́та. А щас на ря́дни ни та́нцую́ть (ст-ца Чебургольская) [1. С. 364].

Великая Отечественная война: А ва́йне́ стра́шна фспамина́ть. У ми́ня сис́тру з ди́тьми, ка́да́ ва́куи́равались, ера́пла́н па́стриля́л (ст-ца Тенгинская) [1. С. 154].

Работа в колхозе: *Бурыкы́ прорыва́лы, и ото́ два кило́метра го́ны, и мы прорыва́лы их на коли́нках* (с. Шабельское) [1. С. 84].

Группировка иллюстраций-воспоминаний по тематическим сферам позволяет продемонстрировать, что благодаря отдельным деталям, фактам, важным для носителей диалекта и потому всплывающим в их памяти, в воспоминаниях воскрешается дух времени, его восприятие в народном сознании.

Содержательно-концептуальная информативность интенционально фрагментированных воспоминаний

Значителен потенциал оправдательных примеров в плане передачи содержательно-концептуальной информации, отражающей ценности диалектного сообщества как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни» [6. С. 26]. В лингвокультурологическом аспекте ценности изучаются в рамках аксиологической лингвистики, где под ними понимается положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, группы, общества в целом, отражённая в языке (см. работы Е.В. Бабаевой, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.). Во многом обусловленные эмоциями, ценности детерминируют действия человека, который не всегда осознает, что его поступки мотивированы теми или иными ценностями. Между тем многие из них осмысливаются людьми, представляются явными, как бы «материально» выраженными. Человек может их назвать, сформулировать основные характеристики. Такими осознаваемыми носителями кубанских говоров (далее – КГ) ценностями являются базовые ценности кубанского казачества: приверженность к православию, братство, любовь к Родине, государственность, справедливость и др. [7. С. 118–153]. Важное значение в казачьей среде придавалось сохранению народной культуры и памяти о прошлом, в чем большую роль играла песенная традиция. Для подтверждения её значимости кубанский этнограф Н.И. Бондарь цитирует «Кубанские областные ведомости» от 7 ноября 1912 г.: «Преступление – забывать родные песни. Эти песни – лучшая летопись нашего славного исторического прошлого» [7. С. 149]. Иллюстративный мегатекст «Опыта...» предоставляет богатый диапазон фрагментированных воспоминаний, способных выступать в роли фактической базы для реконструкции линг-

вокультурного концепта *пение* как «кванта переживаемого знания о том, что понимается как ценность» [8. С. 6]. Анализ оправдательных примеров подтверждает: умение петь, признание важной роли песни в жизни – одна из ключевых лингвокультурных ценностей в сознании носителей КГ. См., напр.:

Казаки́ шу́стры таки́ бы́ли, танцо́ры и пе́сильники (ст-ца Успенская) [1. С. 293]. *Дивча́та так спива́лы каза́чи пи́сни, прям заслу́хаи́сья* (ст-ца Новотитаровская) [1. С. 138]. *На стэпу́ собира́ймо́ся и спива́ймо, а колы́ в ха́ти собира́лысь. Ду́нька як начне́ выпива́ть* (ст-ца Сергиевская) [1. С. 65].

Многочисленны иллюстрации, в которых информанты вспоминают о том, что раньше песни исполнялись и под гармошку, и под *балала́йку* ‘балалайку’, но петь могли и без музыкального сопровождения:

Ве́чирам вы́йдиши и как начне́ш плиса́ть пад я́зык, так аш хади́ сюда́ (ст-ца Выселки). *Но нам було́ хоро́шо: гра́лы пид язы́к, танцова́лы* (ст-ца Запорожская). *А е́сли нэма́ гармо́шки, то под язы́к: ля-ля-ля-ля-ля. И так танцу́им* (ст-ца Копанская) [1. С. 478]. *У ко́го была́ гармо́ня – на гармо́шки гра́лы, и спива́лы* (с. Новопавловка) [1. С. 73].

Пение, обладая очевидным энергетическим зарядом, эмоционально поддерживало сельского человека в его каждодневном труде. См., напр.:

И ото́ мы как га́хнымо пе́сню. С пе́снямы идэ́м и на рабо́ту, и с рабо́ты. Пе́сня – ду́ша! (пос. Ахтырский) [1. С. 74]. Пома́зали (‘обмазать глиной хату’), *пойи́лы, напы́лысь, постива́лы, погуля́лы – и по дома́м* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 314]. *У на́с так оцэ́ стро́ять: затыну́лы сво́лока – стол и писня́ка! Кры́шу укры́лы – стол и о́пять. Вма́зали – стол и пе́сни!* (ст-ца Каневская) [1. С. 294]. *Свиклу́ но́чью грузы́ли, було́ хо́лодно, но всё равно́ йи́дут на машы́ни, навэрху́, пи́сни спива́ють* (ст-ца Платнировская). *З робо́ты иду́ть голо́дни, го́ли и спива́ють* (ст-ца Старокореунская) [1. С. 394]. *Ди́вки иду́ть, ви́лки на плэ́чи и спива́ють пи́сни* (ст-ца Старомышастовская) [1. С. 50]. *Мы ра́ньшы на рабо́ти як работалы: туда́ с пе́снямы и оттуда́ с пе́снямы, пе́сни дэ́рэм на рабо́ти* (ст-ца Убинская) [1. С. 105].

Таким образом, песенное искусство помогало восстанавливать силы и укрепляло дух.

Песня для жителей Кубани – неотъемлемый атрибут праздников и обрядов. См., напр.:

А козу' муцц'ны воды'лы. И спива'лы: «Ой, дэ коза' хо'дэ, там жы'то ро'дэ. Дэ коза' туп-туп, там жы'то сто куп» (ст-ца Дядьковская) [1. С. 120]. Шо спива'лы, колы' цидрува'лы? Цидри'вочка цидрува'ла, до ви-ко'нця прыпада'ла: шо ты, тётка, напыкла', нысы' нам до викна'. Пока' тётка донысла' соби' руки опыкла'... (ст-ца Дядьковская) [1. С. 475]. Ще таку' каля'тку спива'лы: «Я жы'то нэ жала, золотый крэст дэржа'ла» (ст-ца Нововеличковская) [1. С. 120].

Без песен не обходилась ни одна кубанская свадьба:

Щас сва'дба – вжык! Всэ – сва'дба ко'нчилась. А ра'нышэ вэдэ' жы-ны'х нывэ'сту з то'го кра'ю на то'й край, и за ным ти'чка людэ'й идэ' и спива'е (ст-ца Ахтанизовская) [1. С. 417]. Каравай кро'ят (ри'жут), а дру'жкы спива'ют: «Дружко' каравай кро'е, а дру'жкы за сти'л захы-ля'юцця, караваём запыха'юцця» (ст-ца Платнировская) [1. С. 194]. За-сва'тають, днё'жына идэ', свити'лка, спива'ють... Давнёшны сва'йбы (ст-ца Сергиевская) [1. С. 90]. Сва'дба була' така' га'рна: мы пи'сни спива'лы да так ло'вко спива'лы (ст-ца Старовеличковская) [1. С. 216]. Ниве'ста идэ' попэ'рэди, а ряд дру'жок изза'ди спива'ють (ст-ца Старотитаровская) [1. С. 316].

Пение для кубанцев было своеобразным мерилом веселья, показателем удавшегося праздника. См., напр.:

Бы'ло, на пра'зныки схо'дяцця, заспива'ють – и ла'мпы ту'хнут. Так спива'лы... (ст-ца Старокорсунская) [1. С. 139]. Тры дня гу'лялы, спива'лы так, шо у Пласту'новки було' чуть (с. Суворовское) [1. С. 297] (ст-ца Пластуновская находится по прямой на расстоянии 13 км от с. Суворовского).

В песенной стихии коренные кубанцы ощущают себя совершенно естественно. Песня даёт эмоциональную и моральную поддержку в печали и горе. Приведём иллюстрации, в которых актуализируется стереотипизированная ситуация «пение овдовевших женщин о своей тяжёлой доле»:

Як вэ'чэр, всэ схо'дяцця: сёдня пишлы' до ти'й, за'втра до ти'й ба'бы. И спива'ють... Спива'ють стра'шно, усэ' пи'сни спива'ють воны'. Зна'ши, чё воны' журя'цця? За мужэ'ямы, шо ра'но мужэ'й позабыра'лы, извыщэ'ння пополуча'лы... И воны' ото' журя'цця, и от тоскы' воны' спива'ють, вспо-мына'ють йих, чёлови'кив, якы' воны' булы' до'бри и хоро'ици (ст-ца Ахтанизовская) [1. С. 122]. Жэ'нщины спива'лы на свою' до'лю, шо оны' оста'лысь бэс чёлови'ка, а чёлови'ки у ни'х погы'блы вси на фро'нты (ст-ца Дядьковская) [1. С. 455].

Иллюстративный материал демонстрирует: умение петь вызывало у станичников восхищение и уважение:

Моя кума́ у гурти́ всигда́ выво́дыла, як спива́лы (ст-ца Азовская) [1. С. 88]. *А цэ́й дя́дько́ Мыха́йло, цэ́й басова́л. Цэ́й так спива́л, аж ви́кна дрожа́лы* (ст-ца Северская) [1. С. 29].

Хорошо поющие станичники были желанными гостями на праздниках:

На свайбы́ прывлаша́лы: я хоро́шо спива́ла (ст-ца Курчанская) [1. С. 370]. *Я дружкува́ла. Всю станы́цю пэрэспива́ла. Да дэ́ тíко мэ́нэ нэ́ було́. Спива́ла, нэ́ да́й Бох как* (ст-ца Сергиевская) [1. С. 107].

Следует отметить, что, вспоминая о родителях, рассказчики часто подчёркивают их певческие способности. Выделение этого качества при характеристике близких людей обусловлено осознанием важности пения в жизни человека, которое воспринимается как одна из базовых ценностей. См., напр.:

Па́па в ба́сыди спива́в (ст-ца Дядьковская) [1. С. 34]. *У мэ́нэ у ма́мы с па́пою була́ любы́ма пи́сня. Они́ иё́ ча́сто спива́лы: «Цви́тэ́ тэ́рэн»* (ст-ца Мингрельская) [1. С. 415]. *Ма́ма гру́дная была́, чирня́ва, дю́жэ спива́ла хара́шо пэ́рвым* (с. Новопавловка) [1. С. 85]. *У на́с ма́ма хоро́шо спива́ла, и мы бага́то пе́син похва́талы од ма́мы* (г. Славянск-на-Кубани) [1. С. 394].

Способность петь для носителей КГ входила в ряд стереотипизированных характеристик будущего мужа, которые актуализированы в гадании на петуха: умение хорошо работать (если петух клюёт зерно), пьянство (если петух пьёт воду), красота или хвастливость (если петух смотрит в зеркало), нелюдимость (если петух прячется под кровать). Приведём показательный контекст:

На пы́тухи́в гада́лы. Пы́туха́ вна́сэ́м в двина́цать часо́в но́чи. Отпу́стым. Оды́н, быва́ло, во́ду начне́т пы́ть упэ́рэ́д. Цэ́ пья́ныця́ будэ́. А како́й за́спива́е – цэ́ будэ́ вэ́сэ́лый, спиву́н! (ст-ца Журовская) [1. С. 394].

В иллюстративном примере *Пи́шки идэ́ш – всигда́ на доро́гу то ли бала́каши, то ли спива́ши* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 297] отражается гармоничная связь пения и говорения. Осознание её прослеживается и в другом фрагментированном воспоминании: *При́стра́ивали,*

как *щас* «цо́коль» *называ́ют*, а то «пры́зба»... *Посида́ют на пры́збы и спива́ют* (ст-ца Копанская) [1. С. 337]. Сидение на *при́збе* ('завалинка вокруг хаты') или лавочке и ведение разговоров можно отнести к стереотипизированной ситуации сельского времяпрепровождения. Замена в приведённом высказывании разговоров пением органично свидетельствует о близости этих процессов, что находит подтверждение и в материалах словаря. Так, в КГ общерусский глагол *выгова́ри(ю)вать* (*вы́говорить*) зарегистрирован в значении 'петь': *У на́с хоро́ший хор был. Пака́ магла́ вы́гаварить стари́нны пе́сни – бра́ла. А щас ужэ́ ни вы́тину* (ст-ца Некрасовская) [3. С. 494]. А у лексемы *спева́ть* отмечен локальный ЛСВ 'долго и много говорить, твердить о чём-л.'

Информанты, вспоминая о месте пения в прошлом, с большим сожалением признают, что в настоящее время стихийная певческая традиция постепенно угасает. Как правило, в соответствующих иллюстрациях наблюдается противопоставление прошлого и настоящего – характерная для рассказов диалектоносителей антиномия «раньше – сейчас». Её маркеры могут быть как выраженными вербально, так и невыраженными, однако подразумеваемыми, легко восстанавливаемыми. См., напр.:

Ра́ньшы лю́ды дю́жэ спива́лы (ст-ца Вышестеблиевская) [1. С. 394]. *Щас нымо́дно. А тоди́ш то́ко пи́сни. А щас заспива́й. Так ска́жуть: «А шо ж воно́, чи пъя́ни, чи понапыва́лысь?»* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 139]. *Эх, мы з дивча́тамы як далы́ писняка́!* (ст-ца Елизаветинская) [1. С. 294]. *Висило́ было́: на машы́ну се́ли – и писняка́ даём* (ст-ца Линейная) [1. С. 294]. *Ра́ньшы спива́лы. А щас: яко́й пра́зник – усе́ упу́лыся у тили́ви́зор* (с. Новопавловка) [1. С. 430]. *А ща́с е́сли где кто заспива́л, то зна́чить: ужэ́ вин пъя́ный* (ст-ца Новотитаровская). *Щас ныдэ́ ны почу́иш, шоб заспива́лы* (ст-ца Сергиевская) [1. С. 139]. *Щас так нэ́ спыва́ют, як ра́ньшэ́* (с. Цибанобалка) [1. С. 394].

Иллюстративный материал «Опыта...» посредством выражения содержательно-концептуальной информации убедительно демонстрирует: обращение носителей КГ к песенной традиции как основанию для сопоставления прошлого и настоящего является показателем того, что пение – осознаваемая ими базовая культурная ценность.

Оценочно-эмоциональная информативность интенционально фрагментированных воспоминаний

Зафиксированные в словаре иллюстрации могут быть как нейтральными, так и эмоционально окрашенными, содержащими

оценку. Исследователи небезосновательно констатируют присутствие оценочной составляющей в любом проявлении эмоций, так как они «выражают оценочное отношение субъекта к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в этих ситуациях» [9. С. 411]. Кроме того, «язык не подтверждает безусловности оппозиции «рациональное – эмоциональное», поскольку одни и те же языковые средства служат выражению как рациональных, так и эмоциональных оценок, т.е. в языке зафиксировано представление о психике человека как о целостной сфере» [5. С. 48]. Таким образом, оценочность и эмоциональность можно рассматривать в неразрывном единстве. Анализ иллюстративного мегатекста продемонстрировал, что в иллюстрациях-воспоминаниях «Опыта...», содержащих оценку, проявляется богатая палитра разнообразных эмоционально-экспрессивных оттенков. К тому же нельзя не учитывать тот факт, что объект воспоминаний часто значительно отстоит по времени, которое не может не накладывать отпечаток на восприятие и оценку информантом когда-то пережитого. При этом, рассказывая о прошлом, он вспоминает как собственные чувства и эмоции, так и коллективные. См., напр.:

Отрицательные эмоции

Страх – *Як изду'майши, так стра'ино. Якэ' там ща'сте: лю'ди людэ'й йи'лы, ко'тив, жап* (ст-ца Сергиевская) [1. С. 153].

Ирония – *Сгарнизава'ли калхо'с. Лашако'в уси'х паби'ли. Заче'м лашаки', кады' тра'хтары буду'ть? То'льки кады' ани' буду'ть?* (ст-ца Тбилисская) [1. С. 416].

Обида – *Ось оби'дать... Ма'чуха ка'жэ: «Иды' ку'шать, я молочка' налы'ла». Якэ' молочко'... Пэрэго'н, оно' ужэ' скы'сло. Я той кы'слый пэрэго'н со слиза'мы ковта'ла* (ст-ца Староджерелиевская) [1. С. 290].

Сожаление – *Сэстра' в мэ'нэ мэ'ньша. Я до то'го йиш' люби'ла, з у'ма схо'дыла. Лу'че хай мэ'нэ два ра'за побы'ють, но йиш' шоб нэ бы'лы. А вона'... В нэй нэ було' жа'ли. Вона' мэ'нэ нэ жали'ла* (ст-ца Марьянская) [1. С. 116].

Ненависть – *Оды'н хло'пыць у мэ'нэ влюбы'вся. От мини' бида' була: глаз з мэ'нэ ны зво'дэ, да ще посады'лы за одну' па'рту. Я ёго пря'мо знынавы'дыла* (ст-ца Новомалороссийская) [1. С. 148].

Недовольство – *Я рабо'таю и спра'шую: «Па, мо'жно куплю' я часы'?» «Та, до'чка, будэм стро'иця, гро'ици нужни'». Я туди' рассэ'рдылася и кажэ': «Пиду' щас зави'сюсь»* (ст-ца Староджерелиевская) [1. С. 126].

Положительные эмоции

Радость – *Пэ́рвэ ма́я, яки́ ра́ди булы́. Ой! Пра́знык! Прывызу́ть мо-ро́жэное, прывызу́ть ситро́. Мы в о́чцирць стоимо́, дожыда́иш тэ мо-ро́жэно* (ст-ца Новониколаевская) [1. С. 100].

Восторг – *Мни було́ тада́ лит де́вяць, кагда́ ба́тько пасады́в ме́нэ на каня́ку и мы пайи́халы на стэ́п. Стэ́п така́ красы́ва, шо сказа́ць низ-зя́* (с. Большой Бейсуг) [1. С. 401].

Восхищение – *Муш был камбайне́р. Рабо́тать – душа́ дало́й! (ст-ца Архангельская) [1. С. 111]. Сва́дьбы гуля́лы на ко́нях. Ко́ни уряжа́емо. Красы́во так. Вот. Уряжа́лы о́чнь красы́во ко́нэй* (ст-ца Медведовская) [1. С. 430].

Ликование – *От я́кось у апрэ́ли, двэна́цотого числа́, був у на́с уро́к фыску́льтуры. Проводы́лы ёго на дво́ри. От прыбига́е мая́ подру́га Га́ля и крычи́ть: «Чёлови́к у ко́смоси!» А мы ка́жэм: «Нэ брэшы́!» А вона́: «Та нэ брэшу́ я! Чёснэ комсомо́льскэ, чёлови́к у ко́смоси!» Тут мы би́льшы нэ заныма́лысь, крыча́лы «ура́» и ра́довалысь* (ст-ца Гостагаевская) [1. С. 455–456].

Любовь – *Ма́тирць свою́ я так любы́ла. Була́ манэ́нькою, всэ за нэ́ю пла́кала вычи́рамы: боя́лась, шоб она́ ны вме́рла* (ст-ца Новомалороссийская) [1. С. 229].

Оценочно-эмоциональной информативностью обладают иллюстрации, в которых информант признается собирателю в нежелании вспоминать о прошлом в силу драматичности пережитых событий, что позволяет выделить в иллюстративных примерах такой вид пропозиции, как «констатация факта нежелания вспоминать». См., напр.:

Ой! Як вду́маиш, так... нэ трэ́ба ёго и вспоми́наць (хут. Беликов) [1. С. 49]. *Мая́ ты жа́лка, нэ на́до вспоми́наць то* (с. Новопавловка) [1. С. 115]. *А тада́ шо було́. Лю́ды людэ́й йи́лы. Нэ буду́ да́жэць гово́рыць про́цэ, бо такэ́ нэ запи́сують* (ст-ца Новотитаровская) [1. С. 90].

Благодаря оценочности и эмоциональной окрашенности иллюстрации-вспоминания можно отнести к текстам аксиологического характера, поскольку они способны оказывать на читателя словаря воспитательное и эстетическое влияние.

Заключение

Широкая представленность устных воспоминаний сельских жителей Кубани в иллюстративном мегатексте «Опыта...» делает его надёжным источником для их разноаспектного изучения. Несмотря на

интенциональную фрагментированность, оправдательные примеры содержат, как демонстрирует проанализированный языковой материал, различные виды информации – содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и оценочно-эмоциональную. Информативность иллюстраций детерминируется их объёмом. Усечённую структуру иллюстративных примеров, выделенных из исходных политематических и полижанровых макротекстов, можно представить на градуальной шкале интенциональной фрагментированности в виде следующих типов: иллюстрации-воспоминания с реализованной композицией – иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией – иллюстрации-воспоминания с нулевой композицией – однословные реплики, равные диалектному слову, в иллюстрации-диалоге.

Значительная часть иллюстраций-воспоминаний включает содержательно-фактуальную информацию, что обусловлено как спецификой диалектной картины мира, так и методами сбора словарных материалов. Тематически оправдательные примеры разнообразны. Наиболее приоритетными для передачи содержательно-фактуальной информации, а также для воссоздания естественной коммуникации на диалекте являются иллюстрации-воспоминания с реализованной композицией – лексорассказы. Информативны и иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией: содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация, вербально не реализованная в них, может быть воспринята благодаря находящимся в подтексте внетекстовым структурам – пресуппозициям – при условии их присутствия в языковом сознании читателя словаря. Информацию об отдельном факте прошлого содержат оправдательные примеры с нулевой композицией. Наконец, наименьшей информативностью обладают немногочисленные в «Опыте...» однословные реплики, равные диалектному слову, в составе иллюстрации-диалога, поскольку представляют собой только воспоминание о диалектном наименовании какой-либо реалии.

Анализ содержательно-концептуальной информации, заложенной в иллюстративном мегатексте «Опыта...», подтверждает устойчивость в сознании жителей Кубани традиционных культурных ценностей кубанского казачества, одной из которых является пение.

На фоне нейтральных иллюстраций-воспоминаний выделяются обладающие оценочностью оправдательные примеры, демонстрирующие разнообразие эмоционально-экспрессивных оттенков. Реализа-

ция оценочно-эмоционального потенциала в иллюстрациях-воспоминаниях, как и присутствие содержательно-концептуальной информации, позволяет признать их текстами аксиологического характера в силу нравственного и эстетического воздействия на читателя словаря.

«Опыт...», таким образом, посредством иллюстративного мегатекста реконструирует мир прошлого и отражает этнические установки кубанского диалектного сообщества. Находясь на пересечении двух направлений коммуникативного взаимодействия – собирателя с информантом и адресата словаря с лексикографом, региональный словарь способен обеспечить опосредованный коммуникативный контакт диалектоносителя с читателем словаря, благодаря чему многоголосие рассказчиков может быть услышано сквозь пространство и время.

Список источников

1. Борисова О.Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
2. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2016. № 9–10 (113). С. 133–138.
3. Борисова О.Г. Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2019. 612 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Ком-Книга, 2007. 144 с.
5. Исаева Л.А. Лингвистический анализ художественного текста: герменевтико-интерпретационный подход. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. 151 с.
6. Абушенко В.Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия. Москва : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. С. 26–29.
7. Бондарь Н.И. Дерево жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар : Традиция, 2019. 526 с.
8. Карасик В.И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике : материалы Междунар. науч. конф. Тяньцзинь, 2018. С. 3–11.
9. Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М. : Педагогика, 1983. 447 с.

References

1. Borisova, O.G. (2018) *Opyt slovarya kubanskikh govorov* [An Essay in Dictionary of Kuban Region Sub-Dialects]. Krasnodar: Kuban State University.
2. Kryuchkova, O.Yu. & Gol'din V.E. (2016) *Kommunikativnye svoystva dialektnoy rechi i spetsifika dialektного tekstovogo korpusa* [Communicative

properties of dialect speech and the specifics of dialect text corpus]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. 9–10 (113), pp. 133–138.

3. Borisova, O.G. (2019) *Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya* [Vocabulary and phraseology of modern Kuban dialects as a macro system: a model and its implementation]. Philology Dr. Diss. Krasnodar.

4. Gal'perin, I.R. (2007) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: KomKniga.

5. Isaeva, L.A. (2018) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta: germenevtiko-interpretatsionnyy podhod* [Linguistic analysis of a literary text: hermeneutical-interpretative approach]. Krasnodar: Kuban State University.

6. Abushenko, V.L. (2001) Aksiologiya [Axiology]. In: *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow: AST, Minsk: Harvest, Sovremennyy literator. pp. 26–29.

7. Bondar', N.I. (2019) *Drevo zhizni: ocherki traditsionnoy narodnoy kul'tury. Etnografiya, antropologiya, semiotika* [The Tree of Life: Essays on Traditional Folk Culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar: Traditsiya.

8. Karasik, V.I. (2018) [Values as culturally significant guidelines of behavior]. *Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike* [Linguistic and cultural values in language consciousness and communicative practice]. Proceedings of the International Conference. Tientsin. pp. 3–11. (In Russian).

9. Davydov, V.V., Zaporozhets, A.V. & Lomov, B.F. (eds) (1983) *Psichologicheskii slovar'* [Psychological Dictionary]. Moscow: Pedagogika.

Сведения об авторах:

Борисова Ольга Геннадиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: oborisova0112@mail.ru

Костина Людмила Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: patriot30@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Olga G. Borisova, Dr. Sci. (Philology), professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: ogborisova@mail.ru

Lyudmila Yu. Kostina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: patriot30@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.11.2023;
одобрена после рецензирования 11.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.*

*The article was submitted 18.11.2023;
approved after reviewing 11.01.2024; accepted for publication 01.03.2024.*

Научная статья
УДК 811.133.1
doi: 10.17223/22274200/31/4

Современный словарь псевдоэквивалентов французского и русского языков

Александра Игоревна Томилова¹

¹Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, alexara@list.ru

Аннотация. Предложена концепция инновационного француско-русского словаря псевдоэквивалентов. Словарная статья включает грамматические, лексические, этимологические данные о лексемах, образующих псевдоэквивалентную пару, их толкования и переводные эквиваленты (в том числе контекстуальные). Новизна словаря обусловлена включением ассоциаций носителей языков (психолингвистическое значение). Словарь может быть полезен как изучающим французский язык, так и профессионалам – переводчикам, лексикологам.

Ключевые слова: псевдоэквивалентность, лексикография, словарь псевдоэквивалентов, переводческая эквивалентность

Для цитирования: Томилова А.И. Современный словарь псевдоэквивалентов французского и русского языков // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 63–80. doi: 10.17223/22274200/31/4

Original article
doi: 10.17223/22274200/31/4

Modern dictionary of French and Russian pseudoequivalents

Aleksandra I. Tomilova¹

*¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation,
alexara@list.ru*

Abstract. The article deals with the problem of interlingual pseudoequivalence, which is considered to be part of interlingual interference and includes interlingual homonyms, heteronyms, “false friends” of translators/interpreters, etc. This topic has generated scientific interest for several decades but still has

not received sufficient theoretical coverage, which represents the relevance of the topic, on the one hand. On the other hand, the importance of connections between lexicography and other sciences leads to the creation of new types of dictionaries including dictionaries of pseudoequivalents. The author overviews the existing dictionaries of the translator's "false friends" mostly for students on the example of different languages and describes in detail principles of creating a modern dictionary of pseudoequivalents on the example of the French and Russian languages (1721 pairs in total), taking into account grammatical, lexical, etymological, extralinguistic characteristics of the lexemes that form a pseudoequivalent pair, lexicographic approaches at the intersection of translation studies, lexicology and other linguistic sciences based on the data of explanatory and translation dictionaries, which makes it appropriate for the use of professional translators, not only for students. To reach this aim, the author uses a combination of methods: a comparative method as the main one, contextual and lexicographic analysis, a continuous sampling method to find pseudoequivalents, observation, comparison, classification, generalization, systematization, and quantitative calculation. The vocabulary entries, which are systemized alphabetically by French lexemes, present information about the type of pseudoequivalents based on different criteria: lexical meaning (absolute, partial and contextual pseudoequivalents), form (graphical, phonetical, and phonetic-graphical pseudoequivalents), etymology (common, direct, reciprocal, indirect and disputable pseudoequivalents), and part-of-speech belonging (pseudoequivalents of the pair belong to the same, different, or several parts of speech). The study advances the project of a modern dictionary with three full examples and aims to also include psycholinguistical meanings resulted from psycholinguistical association experiments, which will lead to a deeper understanding of the volume of the meaning of pseudoequivalents and help avoid false analogies while translating and interpreting even more.

Keywords: pseudoequivalents, lexicography, dictionary of pseudoequivalents, translational equivalence

For citation: Tomilova, A.I. (2024) Modern dictionary of French and Russian pseudoequivalents. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 31. pp. 63–80. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/31/4

В условиях глобализации информационного пространства и необходимости переводить все больше текстов разной жанровой принадлежности изучение межъязыковой псевдоэквивалентности привлекает лингвистов в последнее десятилетие все больше¹, что может объясняться несколькими причинами: 1) увеличением доли иностранных

¹ При отсутствии единства в терминологии и понимании границ рассматриваемого явления.

заимствований, а значит, и интернациональной лексики с разным объемом лексического значения в разных языках и фонетически подобных словообразовательных элементов; 2) разницей обычаев словоупотребления и психолингвистического понимания близких по звучанию лексем; 3) несовершенством и неполнотой раскрытия значений в существующих двуязычных и толковых словарях и др.

Актуальность статьи объясняется многолетним повышенным интересом к проблеме межъязыковой псевдоэквивалентности при недостаточности ее теоретического осмысления.

В данной работе используется термин *псевдоэквиваленты*¹ (или *псевдоэквивалентные пары слов*), под которыми мы понимаем лексические единицы двух языков, близкие фонетически и (или) графически, но имеющие различные семантические, грамматические, функциональные и стилистические значения и вызывающие ложные аналогии при переводе. Этимологическая общность не является обязательным условием [1. С. 35]².

В связи с этим важно учитывать лингвокультурный, психолингвистический и когнитивный аспекты явления межъязыковой псевдоэквивалентности: разные языковые картины мира обуславливают и разное понимание сходных явлений, что может потенциально выступать источником возникновения псевдоэквивалентности при переводе. Как

¹ Далее в работе используется сокращение ПЭ для передачи термина «псевдоэквиваленты» во всех падежных формах.

² В упомянутой монографии мы провели теоретический обзор и определили первоначальные границы псевдоэквивалентности (с. 11–75), нами были отобраны ПЭ русского и французского языков, подробно описаны и классифицированы по разным критериям (по объему семантического значения, форме, частеречной принадлежности, происхождению) (с. 76–110), рассмотрено их функционирование в художественном тексте и переводческие решения проблемы псевдоэквивалентности (с. 111–150), а также на основе анализа неточностей перевода упомянута необходимость разработки словаря ПЭ как перспективное направление без углубления в вопрос (с. 154–165). В данной статье мы развиваем именно лексикографическую сторону явления, анализируем и систематизируем имеющие словари ПЭ разных языков, описываем принципы составления инновационного словаря ПЭ русского и французского языков в целом и его отдельной словарной статьи, включающей толкования и переводные эквиваленты из разных словарей, авторские контекстуальные переводные эквиваленты на основе иноязычного толкования и возможных синонимов, а также ассоциации носителей языков (психолингвистическое значение) для полноты представления о лексемах, образующих псевдоэквивалентную пару и т.п.

справедливо отмечают Т. Ройтер и В.В. Дубичинский, «при переводе происходит не только взаимодействие языковых систем, но и соприкосновение культур. Огромную значимость в переводческой деятельности имеет национально-культурная специфика слова. Переводчик представляется посредником между языками и культурами, а сферу его деятельности можно описать как неделимое целое: язык-культура-человек, без знания культурной среды никакая коммуникация через переводчика практически невозможна» [2. С. 50].

На данный момент опубликовано свыше 30 словарей межъязыковых ПЭ¹ на примере разных языковых пар. Имеющиеся словари ПЭ можно условно разделить на учебные словари, расширенные словари и подробные словари.

Учебные словари ПЭ направлены на знакомство учащихся с данной категорией слов. Псевдоэквивалентные пары приводятся списком, без толкований, без грамматических и стилистических пояснений, без примеров в синтаксическом контексте, с истинным переводом лишь первой (иностранной) лексемы, образующей пару [3–6]. Некоторые из них снабжены дополнительными упражнениями в конце на распознавание ПЭ и их истинных значений [7–9]. Как правило, такие словари содержат от 100 до 500 псевдоэквивалентных пар, что не представляется репрезентативным. Отдельные словари даже не приводят в предисловии определения границ рассматриваемого понятия и критериев отбора лексем в данные словники.

Расширенные словари предлагают ознакомиться со значениями первой (иностранной) лексемы псевдоэквивалентной пары и приводят ее истинный перевод [10–12], предоставляя пользователям право самостоятельно определить степень расхождения в значениях. Таким образом, подобные словари больше подходят для носителей языка второй лексемы пары, так как ложные аналогии чаще вызывают иностранные слова, сходные по звучанию со словами родного языка. Такие словари содержат от 300 до 900 словарных статей и предлагают готовые истинные переводные эквиваленты, что является несомненным достоинством, однако они не охватывают всего объема значений, а также часто не снабжены примерами в синтаксическом контексте [13]. Один из подобных словарей, напротив, не содержит описания

¹ Обращаем внимание на то, что в названии словарей не всегда употребляется номинация «псевдоэквиваленты».

значений лексем, а приводит лишь примеры употребления схожих внешне слов французского и английского языков в контекстах, из которых читателю нужно догадаться о реализованном значении в сопоставлении с правильным переводом приведенного примера на другой язык [14].

Подробные словари ПЭ снабжены более детальным толкованием значений обеих лексем, входящих в пару [15–22], также в них приводятся в качестве примеров отрывки из оригинальных произведений, присутствуют комментарии о потенциальной опасности псевдоэквивалентных пар, т.е. о возможном ошибочном понимании и переводе. Эти словари адресованы пользователям с высоким уровнем владения языком, стремящимся углубить свои знания, и содержат 1 050–1 750 словарных статей. Один из таких словарей содержит англо-русскую и русско-английскую части [23], т.е. псевдоэквивалентная пара разделена, но словарная статья сопровождается подробным описанием именно различий, которые становятся источником возникновения ложных аналогий. Такое деление, с одной стороны, облегчает поиск нужной лексемы и ее правильного значения, а с другой стороны, усложняет, так как сопоставление объемов значений с истинными переводными эквивалентами на одной странице помогло бы сформировать более полное представление о семантике рассматриваемой пары в сопоставлении¹.

Большинство существующих словарей ПЭ выполнены на материале английского, немецкого, польского языков. Один из таких словарей, отнесенный нами к учебным (справочным), перешел в онлайн-формат с открытым доступом для более широкой аудитории, что отвечает современным тенденциям и позволяет быстрее обновлять и пополнять его, но, к сожалению, в нем представлены лишь английские лексемы и их истинный перевод на русский язык, без упоминания самой русской лексемы, образующей псевдоэквивалентную пару, с ее значениями [24].

Практически все рассмотренные словари ПЭ не содержат толкований (подробного описания значений лексем из толковых словарей рассматриваемых языков) и, на наш взгляд, не могут рассматриваться как универсальные, т.е. подходящие для пользователей любого уровня владения иностранным языком, в том числе профессионального.

¹ Псевдоэквивалентность возникает на стыке двух языков, а не по отдельности.

Считается, что межъязыковые ПЭ не представляют опасности для профессиональных переводчиков, однако, проведенные нами ранее исследования функционирования слов данной категории в переводах художественных и медиатекстов показывают, что иногда прагматические компоненты значения передаются неточно. Для их понимания необходимо полное концептуальное раскрытие значения каждой из входящих в псевдоэквивалентную пару лексем, а также описание ассоциативного значения, хранящегося в сознании носителей языка. Такие значения не представлены ни в толковых, ни в переводных словарях, но отражены в набирающих популярность в последние десятилетия психолингвистических словарях, созданных на основе ассоциативных экспериментов [25–29]. Включение ассоциативного значения – отличительная особенность предлагаемого словаря межъязыковых ПЭ.

Цель статьи – представить проект современного словаря ПЭ французского и русского языков. На материале французского и русского языков было отобрано свыше 1 720 псевдоэквивалентных пар (1 471 лексическая единица русского языка и 1 671 французского, количественная разница обусловлена омонимией). Все ПЭ были подробно проанализированы по нескольким толковым, переводным и этимологическим словарям, классифицированы и описаны. Полученные результаты легли в основу современного франко-русского словаря ПЭ, структура которого приводится и описывается далее.

Для организации макроструктуры мы используем начально-алфавитный подход, поскольку именно он, по мнению И.В. Балканова, упрощает ориентирование в словаре, сокращает время поиска необходимой вокабулы, а следовательно, является наиболее оптимальным не только для составителя, но и для адресата [30. С. 12]. Поскольку словарь ПЭ предполагает рассмотрение лексем в паре, а не по отдельности, то первая строка словарной статьи отведена под саму псевдоэквивалентную пару. Алфавитный поиск предлагается по французской лексеме, входящей в псевдоэквивалентную пару, поскольку словарь ориентирован в большей степени на русскоязычную аудиторию, у которой ложные аналогии вызывают иностранные слова.

Системные значения ПЭ французского и русского языков раскрываются в словарных статьях, заимствованных из французских и русских толковых словарей, при этом приводятся все значения, а не только основные. Истинный перевод данных лексем представлен значениями, заимствованными из франко-русских и русско-

французских словарей, а также реальной речевой практики, поскольку выбор значения слова при переводе зависит во многом от контекста; кроме того, в словарях могут отсутствовать неологизмы и окказионализмы, которые активно используются в медиатекстах.

Важным для понимания пользователем степени потенциальной опасности возникновения ложной аналогии представляется указать в зоне помет словарной статьи вид ПЭ по объему семантического значения (абсолютные, частичные, контекстуальные), по частеречной принадлежности (принадлежащие к одной, разным и к нескольким частям речи), по происхождению (общие, прямые, взаимные, косвенные, спорные) и по форме (фонетические, графические, фонетико-графические, имена собственные) [1. С. 81–109]. Стоит отметить, что одна и та же псевдоэквивалентная пара может одновременно входить в разные группы по разным критериям в основании для классификации, например, ПЭ *engagement-ангажемент* являются частичными¹, фонетико-графическими², взаимного происхождения³, принадлежащими к одной части речи (существительные). Подобные пометы с дополнительной (в том числе грамматической) информацией также придают словарю ПЭ независимость от общего двуязычного словаря.

Организация словарной статьи может быть представлена следующим образом: классификация ПЭ по разным критериям, грамматическая информация о каждой лексеме псевдоэквивалентной пары, упорядоченная по степени частотности система толкований лексемы, входящей в псевдоэквивалентную пару, независимые фразеологические обороты (при наличии), система истинных переводных эквивалентов.

¹ *Ангажемент* может быть переведен как *engagement* в значениях *приглашение артистов на работу, обязательства и денежного займа*; при переводе же *engagement* на русский язык, помимо эквивалента *ангажемент*, возможны: *обязательство, отдача в залог, помолвка, заявка об участии в спортивных соревнованиях, обязательность в значении ответственности, найм на работу, идеологическая позиция, вхождение в контракт, открытие огня, денежное вознаграждение добровольцев* и ряд технических значений, таких как *включение скорости, установка поршня* и др.

² Наблюдается близость как написания, так и звучания [ãdaz'mã]-[ангажым'эн'т].

³ Русская лексема пары произошла от французской лексемы пары. См. подробнее [1].

Упорядочивание системы значений в переводных словарях традиционно регулируется тремя подходами: эмпирическим, аналитическим, историческим. Эмпирический подход предлагает упорядочить систему значений по частотности употребления в языковой среде. При выборе аналитического подхода составитель исходит от базового значения и располагает остальные значения так, чтобы в тексте словарной статьи можно было проследить, как и за счет чего произошло изменение базового значения или образование нового. При историческом подходе все значения располагаются в хронологической последовательности, в соответствии с их первым упоминанием в известных образцах письменной речи [30. С. 15]. Поскольку предлагаемый словарь ПЭ ориентирован на практическое применение информации для изучающих иностранный язык и переводчиков, то наиболее целесообразен эмпирический подход.

Предложенная в табл. 1 структура словарной статьи одновременно отвечает запросам разных типов пользователей словаря: учащиеся или слабо владеющие французским языком могут от псевдоэквивалентности перейти к истинным переводам, взятым из русско-французских [31] и французско-русских [32] переводных словарей, а для профессиональных переводчиков станет информативным подробное толкование лексем, образующих псевдоэквивалентную пару, взятое из французских [33, 34] и русских [35] толковых словарей этих языков.

Таблица 1

Пример словарной статьи французско-русского словаря ПЭ

banquette	банкет
<i>абсол., фонетич., одн. ч.р., взаим. ПЭ</i>	
n. f. 1. Banc ou tabouret allongé, a quatre, six ou huit pieds, rembourré ou canné. 2. Siège d'un seul tenant, prenant toute la largeur d'une automobile. <i>La banquette arrière.</i> 3. Siège commun aménagé à dossier en forme de banc, dans une voiture de chemin de fer, de métro, de train, etc. sous forme de banc 4. ARCHITECTURE Banc de pierre dans l'embrasure d'une fenêtre (architecture médiévale).	суи., м.р. 1. Торжественный званый обед или ужин. <i>Б. в честь юбиляра</i> 2. Ж.-Д. невысокий земляной вал вдоль верхнего края выемки, служащий для защиты бровки и откоса выемки от стекания в нее воды. Б. отсыпается из ближайшего грунта при разработке откоса выемки. Поверхность его планируется со скатом 0,01–0,02 в сторону от пути; откос же в сторону выемки делается с уклоном 1:1 или 1:1,5; между верхним ребром откоса

banquette	банкет
5. <i>FORTIFICATION</i> Banquette de tir : partie surélevée du sol d'une tranchée, permettant de tirer par-dessus le parapet. 6. <i>Eaux et assainissement</i>. Trottoir réservé le long du canal d'un aqueduc. 7. <i>Chemin de fer</i>. Langueur de la plateforme ménagée à l'extérieur et au pied de la couche de ballast. 8. <i>Mines</i>. Partie inférieure du banc à abattre, lorsque l'exploitation se fait en deux temps. 9. Surface horizontale entre deux gradins verticaux ou fortement incline. 10. <i>Pédologie</i>. Replat en petit terrasse et bourrelet, à très faible pente longitudinale, généralement aménagé sur un versant à forte déclivité pour lutter contre l'érosion. 11. <i>TRAVAUX PUBLICS</i> Épaulement conservé dans les talus des tranchées ou des remblais pour leur donner plus de stabilité et sur lequel peut être aménagé un chemin = Plateforme ménagée ou au sommet d'un talus pour renforcer sa stabilité et faciliter la circulation piétonne [33, 34]	выемки и подошвой откоса Б. оставляется полоса шириной не менее 1 м. При крутизне местности более 1:5 Б. не отсыпается, так как в этом случае его трудно удерживать от сползания или смыва водой [35]
скамья, скамейка, диванчик, сиденье, банкетка, кушетка, полка вагона, выступ, обочина, уступ, отсыпка, насыпь, берма, бенч, подошва (pl.) [7, 31, 32]. Перевод А.И. Томиловой	<i>reception, soirée, grand banquet, fête, vin d'honneur, communion, ouvrage du coupure, accotement, berme</i> [7, 31, 32]. Перевод А.И. Томиловой

Современным и перспективным направлением в лексикографии является психолингвистическая лексикография, которая использует экспериментальный метод исследования языкового сознания носителей языка и анализ полученных данных семантики слова. Правильное понимание психолингвистического значения слова способствует достижению адекватности и гармонии перевода, последняя является равноправной переводческой категорией, по мнению Л.В. Кушниковой [36. С. 83]. Нераскрытие хранящихся в сознании носителей языка коннотаций лексемы ведет к частичной или контекстуальной псевдоэквивалентности, в связи с чем для составления словаря ПЭ важным представляется учет и передача в словарной статье помимо лексикографического (системного) и коммуникативного значений еще и психолингвистического (ассоциативного) значения слова.

Инновационная лексикографическая практика опирается на теорию метаязыкового сознания и ее проекцию в прикладные сферы, что обнаруживается в появлении как теоретических статей на эту тему, так и ассоциативных и дискурсивных проектов словарей [27]. Как справедливо отмечает Н.Д. Голев, «...динамично развивающаяся многоязычная (сопоставительная) лексикография открывает широкие возможности для выявления универсальных и идиоэтнических закономерностей, присущих лексическому ассоциированию носителей различных языков» [26. С. 42]. Обыденная лексикография, по мнению автора, отражает больше речемыслительные процессы, а не языко-творческие [37. С. 116], типичные и национально-специфические особенности языковых картин мира [26], концепты без ограничений в употреблении, а также реальные, а не нормативные, смыслы. На наш взгляд, использование данных одноязычной ассоциативной лексикографии при составлении двуязычных словарей расширило бы глубину понимания иноязычных лексем, так как «формой существования значения слова в обыденном сознании является представление» [25. С. 59], а не дефиниция.

Дополнение разрабатываемого современного французско-русского словаря ПЭ психолингвистическим значением, основанным на психолингвистических (ассоциативных) экспериментах, которые пока только планируются к проведению¹ среди носителей русского и французского языков, является перспективой работы. Однако уже сейчас представляется возможным предложить приблизительный вариант словарной статьи (табл. 2), содержащей подобные обыденные значения на основе данных существующих ассоциативных словарей русского и французского языков.

¹ К сожалению, несмотря на наличие ассоциативных словарей русского и французского языков, в них по объективным причинам еще не представлены все лексемы, которые мы отнесли к категории ПЭ и положили в основу нашего словаря, поэтому для получения данных об ассоциациях по отсутствующим в этих словарях лексемам нам и потребуются проведение массового эксперимента среди рядовых носителей языка на основе уже предложенной и апробированной предшественниками методики.

Таблица 2

**Пример словарной статьи французско-русского словаря ПЭ
с ассоциативными значениями**

journal	журнал
<i>частич., фон-граф., одна ч.р., прям. ПЭ</i>	
n.m. 1. Publication, le plus souvent quotidienne, qui donne des informations politiques, artistiques, scientifiques, etc. <i>Journal interne d'entreprise</i>: publication réalisée par une entreprise et destinée à ses différents collaborateurs. <i>Journal parlé, télévisé</i>: actualités quotidiennes commentées donnant lieu à une émission spécifique de la radio, de la télévision. <i>Journal lumineux, électronique</i>: dispositif visible de la rue, faisant apparaître des annonces par un procédé électrique ou électronique. 2. Écrit où l'on relate les faits jour par jour. <i>Tenir son journal</i>. <i>Journal intime</i>: notation, plus ou moins régulière, de ses impressions ou réflexions personnelles. 3. MARINE <i>Journal de bord</i>: registre sur lequel sont inscrits tous les renseignements concernant la navigation d'un navire. 4. COMPTABILITÉ <i>Livre journal, ou journal</i>: registre sur lequel un commerçant inscrit, jour par jour, ses diverses opérations comptables. 5. Belgique. <i>Journal de classe</i>: cahier de textes. 6. Ancien. Mesure de superficie correspondant au terrain labourable par un attelage en un jour [33, 34]	суи. м.р. 1. Периодическое издание в виде книжки, содержащей статьи, художественные произведения, иллюстрации. <i>Еженедельный иллюстрированный журнал. Толстые литературные журналы выходят ежемесячно. Заграничный технический журнал. Модный журнал</i> (периодическое издание, содержащее рисунки и выкройки модных костюмов, нарядов). 2. Дневник, периодическая запись событий, происшествий в особой тетради (устар.). <i>Он вел путевой журнал.</i> 3. Шнуровая книга в учреждении для записи каких-н. действий, решений, постановлений (канц.). <i>Судовой журнал. Журнал заседаний. Вахтенный журнал. Журнал военных действий.</i> Книга для записи входящих и исходящих бумаг (канц.). <i>Журнал входящих.</i> 4. Бухгалтерская книга для ежедневной записи денежных операций (бухг.) [35] (из словаря Д.Н. Ушакова https://ushakovdictionary.ru)
<i>газета, дневник, информационный бюллетень, хроника, журнал (бортовой, судовой), рабочий журнал, протокол, бухгалтерская книга, выпуск новостей, стенгазета</i> [7, 31, 32]. Перевод А.И. Томиловой	<i>revue, carnet, registre, registre d'absences, journal, compte rendu, périodiques</i> [7, 31, 32]. Перевод А.И. Томиловой

journal	журнал
<i>papier</i> 70; <i>intime</i> 46; <i>information</i> 41; <i>quotidien</i> 36; <i>nouvelles</i> 29; <i>lire</i> 21; <i>magazine</i> 20; <i>presse</i> 13; <i>article</i> , <i>informations</i> 11; <i>actualité</i> , <i>lecture</i> 10; <i>télévisé</i> 9; <i>hebdomadaire</i> , <i>revue</i> 8; <i>gazette</i> , <i>le monde</i> 7; <i>nouvelle</i> 6; <i>info</i> , <i>monde</i> , <i>une</i> 5; <i>canard</i> , <i>livre</i> , <i>périodique</i> , <i>actualités</i> 3; <i>articles</i> , <i>bord</i> , <i>culture</i> , <i>de bord</i> , <i>encre</i> , <i>faux</i> , <i>hebdo</i> , <i>Internet</i> , <i>le Monde</i> , <i>officiel</i> , <i>télévision</i> 2; 20 <i>minutes</i> , <i>annonce</i> , <i>café</i> , <i>cahier</i> , <i>canal plus</i> , <i>canard enchaîné</i> , <i>caractère</i> , <i>confessions</i> , <i>dépêche</i> , <i>DNA</i> , <i>du dimanche</i> , <i>du soir</i> , <i>écrire</i> , <i>entrée</i> , <i>équipe</i> , <i>expression</i> , <i>feuille de chou</i> , <i>feuilleton</i> , <i>matin</i> , <i>média</i> , <i>métro</i> , <i>nouvel</i> , <i>page</i> , <i>papier toilette</i> , <i>père</i> , <i>pli</i> , <i>polémique</i> , <i>public</i> , <i>réacteur</i> , <i>savoir</i> , <i>scientifique</i> , <i>secret</i> , <i>sportif</i> , <i>télé</i> , <i>télégramme</i> 1 [29]	газета 104; классный 40; мод 39; интересный 28; читать 22; книга 18; иллюстрированный 13; литературный 12; новый , толстый 9; красивый , «Нева», «Новый мир», устный 6; иностранный , молодежный 5; кино , моды , тетрадь 4; бумага , вестник , групповой , дежурный , детский , «Искусство», картинка , картинки , красочный , лощенный , любой , оценка , передовой , почта , рассказ , ревью , редакция , фотография , школьный 2; дневник , дневной , дом , дорогой [28]

В представленном выше примере при сопоставлении толкований лексем, образующих псевдозэквивалентную пару, обнаруживается, что данные частичные ПЭ расходятся в значении *глянцевого журнала мод* в понимании носителей русского языка (истинный перевод на французский будет *revue*), в значении *теле- или радиопрограммы* в понимании носителей французского языка (*journal parlé, télévisé*) и в значении *бегущей строки* для размещения рекламы на улице или в транспорте (*journal lumineux, électronique*) – подобные значения отсутствуют в русском языке, а также при передаче значения *личного дневника* (*journal intime*) носители русского языка не прибегают к выбору лексемы *журнал*. Ассоциативные значения, приводимые после истинных переводных эквивалентов, помогают увидеть, насколько в сознании носителей разных языков (а значит, и в практическом употреблении) частотно то или иное восприятие семантического значения.

Так, например, для французов *journal* ассоциируется, в первую очередь, с личным дневником, ежедневным изданием (газетой), информацией, статьей, прессой, телепередачей, СМИ, метро (где французы чаще всего и читают новостные газеты) и т.п. [29]. Для носителей русского языка лексема *журнал* в первую очередь связана с модой, новизной, красотой, спортом, кино, с чем-то иностранным и т.п. [28], что наглядно демонстрирует более значительные расхождения в

смыслах, иными словами, в обыденных значениях, чем в толкованиях. Ценность включения подобного рода информации в словарь межъязыковых ПЭ заключается в том, что она позволяет профессиональным переводчикам, лингвистам и психологам взглянуть на значения слов глазами непрофессионалов и реципиентов переводного текста (устного или письменного).

Подведем итоги:

- феномен межъязыковой псевдоэквивалентности на примере французского и русского языков практически не находит отражения в лексикографических источниках;

- с учетом недостаточности раскрытия значений, обнаруженной в ходе анализа существующих двуязычных словарей, словарная статья ПЭ должна содержать информацию из толковых словарей, что позволит в полной мере осознать концепт, существующий в картине мира носителей соответствующего языка, воссоздать его (концепт) при переводе, выявив те значения, которые ведут к возникновению ложных аналогий. Подобный словарь ПЭ может послужить прикладной задаче выполнения профессионального перевода;

- сложная иерархия семантики ПЭ (от полного различия семантического значения одних пар ПЭ до частичного сближения других) требует включения в вводную часть словарной статьи дополнительной информации о типе ПЭ в зависимости от объема семантического значения (абсолютные, частичные, контекстуальные);

- отражение в словаре ПЭ наравне с системным значением психолингвистического значения лексем, входящих в псевдоэквивалентную пару, представляется перспективным и требует дальнейшего теоретического и практического осмысления.

Список источников

1. Томилова А.И. Явление межъязыковой псевдоэквивалентности в русском и французском языках: теоретические и прикладные аспекты. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 219 с.

2. Дубичинский В.В., Ройтер Т. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей. Харьков : Підручник НТУ «ХПІ», 2015. 148 с.

3. Амiredжиби Т.С. Ложные друзья переводчика. Тбилиси : Изд-во Грузинского политехн. ин-та, 1966. 44 с.

4. Дубичинский В.В., Шайхиева Т.Н., Конакова Е.И. Учебный словарь русско-испанских лексических параллелей (Diccionario didáctico de paralelos léxicos ruso-español). Гранада : Изд-во Ун-та Гранады, 2006. 172 с.

5. Чеснокова Т.А. Шведско-русский и русско-шведский словарь «ложных друзей переводчика». М. : Изд-во РГГУ, 2011. 200 с.
6. Robert J. Hill. A Dictionary of false friends. London : Macmillan, 1982. 319 p.
7. Муравьев В.Л. Faux amis, или Ложные друзья переводчика. М. : Просвещение, 1969. 48 с.
8. Суслова И.П. Выбираем правильное слово! 2-е изд. М. : Просвещение, 1976. 63 с.
9. Ferguson R. Italian false friends. Canada : University of Toronto Press, 1994. 124 p.
10. Журавлев А.И., Захаров С.С. Ложные друзья переводчика с чешского языка. М. : ВЦП, 1977. 130 с.
11. Канонич С.И. 300 ложных друзей переводчика. Испанско-русский словарь-справочник. М. : Менеджер, 2000. 112 с.
12. Veisbergs A. Latvian – English, English – Latvian Dictionary of False Friends. 2nd ed. Riga : SI, 1994. 88 p.
13. Вияс А. Польско-русский словарь ложных друзей переводчика с русско-польским индексом с учётом разговорных, просторечных, сленговых и матерных значений слов. Краков, 2013. 142 с.
14. Granger S., Roey J. V., Swallow H. Dictionnaire des (dictionary of) faux amis. 3 ed. Paris : De Boeck Supérieur, 1998. 866 p.
15. Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В., Юхт В.Л. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М. : Сов. энциклопедия, 1969. 384 с.
16. Белинская Л.Н. Сербско-русский, русско-сербский словарь-справочник межъязыковых омонимов. М. : Троица, 2009. 464 с.
17. Готлиб К.М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М. : Советская энциклопедия, 1972. 448 с.
18. Готлиб К.М. Словарь «ложных друзей переводчика». М. : Рус. яз., 1985. 160 с.
19. Дубичинский В.В., Роїтер Т. Русско-немецкий словарь лексических параллелей (Russisch-Deutsches Worterbuch Lexikalischer Parallelen). М. : Элпис, 2011. 304 с.
20. Кочерган М. П. Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов. Киев : Академия, 1997. 400 с.
21. Кусал К. Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Вроцлав : Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 190 с.
22. Шушарина И.А. Польско-русский словарь ложных друзей переводчика Т. 1. (А–F). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. 259 с.
23. Пахотин А.И. Англо-русский, русско-английский толковый словарь обманчивых слов («ложных друзей»). М. : Живой английский, 2011. 232 с.
24. Краснов К.В. Англо-русский словарь ложных друзей переводчика. English Russian Dictionary of «False Friends» by K.V. Krasnov. М. : Э.РА (издательское содружество А. Богатых и Э. Раковской). 2004. 80 с. URL: <http://www.falsefriends.ru> (дата обращения: 30.11.2023).

25. Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 48–64.

26. Голев Н.Д., Ким Л.Г., Стеванович С.В. Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий // Русин. 2015. № 3 (41). С. 39–54.

27. Голев Н.Д. Викилексия – народный интернет-словарь: инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2014. № 2. С. 31–67.

28. Словарь ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева. URL: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Stimul_Leon.htm (дата обращения: 30.11.2023).

29. Debrenne M. Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications. 2011. 270 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/263047432_Le_dictionnaire_des_associations_verbales_du_francais_et_ses_applications (дата обращения: 30.11.2023).

30. Балканов И.В. Теоретические аспекты двуязычной лексикографии (на материале переводных военных словарей): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 2017. 23 с.

31. Щерба Л.В., Матусевич М.И., Никитина С.А. Большой русско-французский словарь. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2001. 561 с.

32. Гак В.Г., Ганишина К.А. Новый французско-русский словарь. 5-е изд., испр. М.: Рус. яз., 2000. 1195 с.

33. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le Robert en ligne. Retrieved from: <https://dictionnaire.lerobert.com> (дата обращения: 30.11.2023).

34. Электронный словарь французского языка Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения 17.07.2023).

35. Словарная база из 21 толкового словаря русского языка Золотого фонда отечественной лексикографии. URL: <https://www.slovari.ru> (дата обращения: 30.11.2023).

36. Кушина Л.В. Перевод как синергетическая система. // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3 (15). С. 81–86.

37. Голев Н.Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137.

References

1. Tomilova, A.I. (2018) *Yavlenie mezh"yazykovoy psevdokvivalentnosti v russkom i frantsuzskom yazykakh: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Phenomena of interlingual pseudoequivalence in Russian and French: theoretical and applied aspects]. Yekaterinburg: USPU.

2. Dubichinskiy, V.V. & Roiter, T. (2015) *Teoriya i leksikograficheskoe opisanie leksicheskikh paraleley* [Theory and lexicographical description of lexical parallels]. Kharkov: Pidruchnik NTU "HPI".

3. Amiredzhibi, T.S. (1966) *Lozhnye druz'ya perevodchika* [False friends of a translator]. Tbilisi: Georgian Polytechnic University.

4. Dubichinskiy, V.V., Shajhieva, T.N. & Konakova, E.I. (2006) *Uchebnyy slovar' russko-ispanskikh leksicheskikh paralleley* (*Diccionario didáctico de paralelos léxicos ruso-español*) [Learner's dictionary of Russian-Spanish and Spanish-Russian lexical parallels]. Granada: University of Granada.
5. Chesnokova, T.A. (2011) *Shvedsko-russkiy i russko-shvedskiy slovar' "lozhnykh družey perevodchika"* [Swedish-Russian and Russian-Swedish dictionary of false friends of a translator]. Moscow: RSUH.
6. Robert J. Hill. (1982) *A Dictionary of false friends*. London: Macmillan.
7. Murav'ev, V.L. (1969) *Faux amis, ili "lozhnye druž'ya" perevodchika* [Faux amis or false friends of a translator]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Suslova, I.P. (1976) *Vybiraem pravil'noe slovo!* [Let's choose the correct word!]. 2nd edition. Moscow: Prosveshchenie.
9. Ferguson, R. (1994) *Italian false friends*. Canada: University of Toronto Press.
10. Zhuravlev, A.I. & Zaharov, S.S. (1977) *"Lozhnye druž'ya" perevodchika s cheshskogo yazyka* [False friends of a translator from the Czech language]. Moscow: VTsP.
11. Kanonich, S.I. (2000) *300 lozhnykh družey perevodchika. Ispansko-russkiy slovar'-spravochnik* [300 false friends of a translator. Spanish-Russian and Russian-Spanish guide dictionary]. Moscow: Menedzher.
12. Veisbergs, A. (1994) *Latvian – English, English – Latvian Dictionary of False Friends*. 2nd ed. Riga: SI.
13. Wijas, A. (2013) *Pol'sko-russkiy slovar' lozhnykh družey perevodchika s russko-pol'skim indeksom s uchetom razgovornykh, prostorechnykh, slengovykh i maternykh znachenii slov* [Polish-Russian dictionary of false friends of a translator with the Russian-Polish index including informal, colloquial, slang and vulgar word meanings]. Krakow.
14. Granger, S., Roey, J.V. & Swallow, H. (1998) *Dictionnaire des (dictionary of) faux amis*. 3e edition. Paris: De Boeck Supérieur.
15. Akulenko, V.V. et al. (1969) *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' "lozhnykh družey perevodchika"* [English-Russian and Russian-English dictionary of false friends of a translator]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
16. Belin'kaya, L.N. (2009) *Serbsko-russkiy, russko-serbskiy slovar'-spravochnik mezh'yazykovykh omonimov* [Serbian-Russian, Russian-Serbian guide dictionary of interlingual homonyms]. Moscow: Izd. Troitsa.
17. Gotlib, K.M. (1972) *Nemetsko-russkiy i russko-nemetskiy slovar' "lozhnykh družey perevodchika"* [German-Russian and Russian-German dictionary of false friends of a translator]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
18. Gotlib, K.M. (1985) *Slovar' "lozhnykh družey perevodchika"* [Dictionary of false friends of a translator]. Moscow: Rus. yaz.
19. Dubichinskiy, V.V. & Rojter, T. (2011) *Russko-nemetskiy slovar' leksicheskikh paralleley* (*Russisch-Deutsches Wörterbuch Lexikalischer Parallelen*) [Russian-German dictionary of lexical parallels]. Moscow: Izd. Elpis.
20. Kochergan, M.P. (1997) *Slovar' russko-ukrainskikh mezh'yazykovykh omonimov* [Dictionary of Russian-Ucrainian interlingual homonyms]. Kiev: Akademia.

21. Kusal, K. (2002) *Russko-pol'skiy slovar' mezh'yazykovykh omonimov* [Russian-Polish dictionary of interlingual homonyms]. Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego.
22. Shusharina, I.A. (2015) *Pol'sko-russkiy slovar' lozhnykh družey perevodchika* [Polish-Russian dictionary of false friends of a translator]. Vol. 1. (A—F). Kurgan: Kurgan State University.
23. Pakhotin, A.I. (2011) *Anglo-russkiy, russko-angliyskiy tolkovyy slovar' obmanchivyykh slov ("lozhnykh družey")* [Russian-English and English-Russian dictionary of deceitful words ("false friends")]. Moscow: Zhivoy angliyskiy.
24. Krasnov, K.V. (2004) *Anglo-russkiy slovar' lozhnykh družey perevodchika. English Russian Dictionary of "False Friends" by K. V. Krasnov*. Moscow: E.R.A. [Online] Available from: <http://www.falsefriends.ru> (Accessed: 30.11.2023).
25. Golev, N.D. (2013) The Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words: the conception and the experience of its implementing. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 48–64. (In Russian).
26. Golev, N.D., Kim, L.G. & Stevanovich, S.V. (2015) A multilingual dictionary as a reflection of Slavic mental-linguistic unity and cross cultural differences. *Rusin*. 3 (41). pp. 39–54. (In Russian).
27. Golev, N.D. (2014) Wikilexia – the public internet dictionary: innovatory lexicographic project. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2. pp. 31–67. (In Russian).
28. Leont'ev, A.A. (2023) *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. [Online] Available from: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Stimul_Leon.htm (Accessed: 30.11.2023).
29. Debrenne, M. (2011) *Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/263047432_Le_dictionnaire_des_associations_verbales_du_francais_et_ses_applications (Accessed: 30.11.2023).
30. Balkanov, I.V. (2017) *Teoreticheskie aspekty dvuyazychnoy leksikografii (na materiale perevodnykh voennykh slovarey)* [Theoretical aspects of bilingual lexicography (on the material of translational military dictionaries)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
31. Shcherba, L.V., Matusevich, M.I. & Nikitina, S.A. (2001) *Bol'shoy russko-frantsuzskiy slovar'* [Large Russian-French dictionary]. 2nd edition. Moscow: Rus. yaz.
32. Gak, V.G. & Ganshina, K.A. (2000) *Novyy frantsuzsko-russkiy slovar'* [New French-Russian dictionary]. 5th edition. Moscow: Rus. jaz.
33. Le Robert en ligne. (2023) *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. [Online] Available from: <https://dictionnaire.lerobert.com> (Accessed: 30.11.2023).
34. Larousse. (2023) *Elektronnyy slovar' frantsuzskogo yazyka Larousse* [Online dictionary of the French language Larousse]. [Online] Available from: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (Accessed: 17.07.2023).
35. Slovare.ru. (2023) *Slovarnaya baza iz 21 tolkovogo slovary russkogo yazyka Zolotogo fonda otechestvennoy leksikografii* [Dictionary database of 21 explanatory

dictionaries of the Russian language from the Golden Fund of Russian lexicography]. [Online] Available from: <https://www.slovari.ru> (Accessed: 30.11.2023).

36. Kushnina, L.V. (2011) Translation as a synergetic system. *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald*. 3 (15). pp. 81–86. (In Russian).

37. Golev, N.D. (2019) A Modern Dialect Vocabulary Discourse Dictionary (Based on Runet Materials): An Innovative Lexicographic Project. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 113–137. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/16/7

Сведения об авторе:

Томилова Александра Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: alexara@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Aleksandra I. Tomilova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, the Russian Federation). E-mail: alexara@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.07.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.*

*The article was submitted 17.07.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 01.03.2024.*

Научная статья

УДК 81'374

doi: 10.17223/22274200/31/5

Русская пищевая метафора как объект идеографической лексикографии

Елена Андреевна Юрина^{1, 2}, Анастасия Вячеславовна Балдова³

¹ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия,

² Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Томский политехнический университет, Томск, Россия

^{1, 2} yourina2007@yandex.ru

³ nastya-borovkova@mail.ru

Аннотация. Представлены принципы и приемы идеографического описания образных средств русского языка с мотивирующей гастрономической семантикой в гнездовом и идеографическом словарях. Словарные статьи трехтомного «Словаря русской пищевой метафоры» группируются по гнездовому принципу и систематизируются в соответствии с тематическими рубриками исходной концептуальной области «Еда». Материалы идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» представлены в разделах, соответствующих категориальной сетке языкового членения мира. Характеризуются особенности макро- и микроструктуры указанных словарей.

Ключевые слова: пищевая метафора, идеографический словарь, макроструктура словаря, образная лексика, фразеология, языковая картина мира

Благодарности: Исследование пищевой метафоры, создание и публикация трехтомного гнездового «Словаря русской пищевой метафоры» и первого тома идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» выполнены при поддержке: РГНФ, грант № 14-04-00207 а – «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.; Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (научный проект № 8.1.31.2017); РНФ, грант № 18-18-00194 – «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018–2020 гг.

Для цитирования: Юрина Е.А., Балдова А.В. Русская пищевая метафора как объект идеографической лексикографии // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 81–104. doi: 10.17223/22274200/31/5

Original article

doi: 10.17223/22274200/31/5

Russian food metaphor as an object of ideographic lexicography

Elena A. Yurina^{1,2}, Anastasia V. Baldova³

¹ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} yourina2007@yandex.ru

³ nastya-borovkova@mail.ru

Abstract. The article presents the stages of the development of domestic ideographic lexicography associated with the emergence of dictionaries of different types, organized in accordance with the semantic connections and thematic commonality of interpreted units. The dictionary description of figurative words and expressions of the Russian language, motivated by names of objects and phenomena in the sphere “Food”, is based on the existing experience of an ideographic representation of the material, taking into account its conceptual relevance and discursive nature. Dictionaries compiled under the guidance of Dr. Elena Yurina demonstrate two approaches to the ideographic description of the figurative lexical and phraseological field “Food”. The three-volume *Dictionary of Russian Food Metaphor* (Tomsk, 2015–2019) is built according to the nesting principle: the arrangement of dictionary entries reflects the structural and semantic connections of linguistic units and the semantic unity of the original motivating images; the distribution of lexical-phraseological nests corresponds to the logical-conceptual division of the sphere “Food” into the thematic areas “Dishes and Products”, “Gastronomic Activities”, “Properties of Food”, “Subject of Gastronomic Activities”, “Kitchen and Kitchen Utensils”, “Routine and Organization of Nutrition”. The macrostructure of the *World in the Mirror of Food Metaphor* dictionary is built on an ideographic principle: the names of sections and subsections into which dictionary entries are grouped designate the spheres of extra-linguistic reality whose objects and phenomena are figuratively characterized through food metaphor. The formation of the classification scheme of the ideographic dictionary was carried out by an inductive method through a semantic and cognitive analysis of figurative words and expressions included in the dictionary; denotative areas of application of metaphorical names were determined. The synoptic scheme of the dictionary includes five sections, within which subsections are distinguished: (1) Person: Appearance, Gender and Age Characteristics, Organism, Physical Actions, Psyche, Thinking, Character and Behavior, Speech, Social Status, Professional Activity; (2) Society: Politics and Armed Conflicts, Economy, Culture, Interper-

sonal Relations, Social Activities, Life Experience, Social Communication; (3) Material World: Living Nature, Natural Facts, Artifacts, Physical Phenomena and Processes, Properties of Material Objects, Sound, Smell and Taste; (4) Abstract Concepts: Space, Time, Measure, Value, Existence; (5) Communicatemes. The order of the sections in the dictionary is determined by the quantitative criterion. Most of the figurative units characterize phenomena in the spheres of “Person” (40%) and “Society” (37%); the remaining categories are represented by a smaller number of figurative nominations: “Material World” (14%), “Abstract Concepts” (7%), “Communicatemes” (2%). A distinctive feature of the dictionaries discussed in the article is the explanation of figurative representations typical for Russian linguistic culture, demonstrating analogies between certain phenomena of reality and various culinary objects realized in a complex of figurative words and expressions. Such formulations are placed in a separate dictionary area, which completes the presentation of each word family of the thematic dictionary and each subsection of the ideographic dictionary. The interpretation of a typical figurative representation in the ideographic dictionary includes the name of the object of figurative signification, the name of the gastronomic phenomenon associated with it, the basis of metaphorical assimilation, as well as examples of figurative units expressing this representation.

Keywords: food metaphor, ideographic dictionary, macrostructure of dictionary, figurative lexis, phraseology, linguistic picture of world

Acknowledgments: The study of food metaphor, the creation and publication of the three-volume *Dictionary of Russian Food Metaphor* and the first volume of the ideographic dictionary *The World in the Mirror of Food Metaphor* were supported by: Russian Humanitarian Scientific Foundation, Grant No. 14-04-00207 a: Russian Food Tradition in the Mirror of Linguistic Images: Linguocultural and Lexicographic Description, 2014–2016; TSU Competitiveness Improvement Program (Scientific Project No. 8.1.31.2017); Russian Science Foundation, Grant No. 18-18-00194: Figurative Language of Russian in the Polydiscursive Domain of Modern Communications, 2018–2020.

For citation: Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2024) Russian food metaphor as an object of ideographic lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 31. pp. 81–104. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/31/5

Введение

Антропоцентрический взгляд на язык с его интересом к вербальному отражению представлений человека об устройстве действительности оказал существенное влияние на лексикографию второй половины XX – начала XXI в., актуальным направлением которой становится идеографическое описание различных образных средств языка в

словарях разного типа [1–11]. Авторы современных идеографических словарей видят необходимость в разработке новых форматов организации материала, позволяющих продемонстрировать смежность значений и ассоциативные связи слов, которые не прослеживаются при алфавитном расположении словарных статей [1–19].

Целью предлагаемой статьи является описание лексикографических способов и приемов, использованных для системного словарного описания слов и выражений с образным (метафорическим) типом семантики в авторской серии словарей русской пищевой метафоры. В задачи входит краткая характеристика идеографического метода в лексикографии с акцентом на проблеме разработки синоптической схемы, а также представление новаторского по замыслу и его реализации идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры», в котором впервые собран и описан уникальный словарный материал, демонстрирующий лексико-фразеологический фонд русского языка и отражающий метафорическую репрезентацию системы гастрономических образов.

Становление идеографической лексикографии как самостоятельного направления словарного дела, ориентированного на задачу классификации языковых единиц в соответствии с системой знаний о мире, началось во второй половине XIX в. после выхода в свет «Тезауруса английского языка» П. Роже (1852 г.). С середины XX в. в отечественной лексикографии разрабатывались идеографические словари, направленные на решение различных теоретических и прикладных проблем.

Первыми отечественными идеографическими словарями стали учебные тематические словари, ориентированные на иностранцев и граждан СССР, изучающих русский язык как неродной [20]. Вторым этапом развития русской идеографии связан с созданием ассоциативных словарей, специфика которых состоит в отражении межсловных связей, выявленных посредством психолингвистического эксперимента [12, 13]. Особую группу составляют словари тезаурусного типа, предполагающие систематизацию лексики в направлении выявления и описания связей слов с последующим представлением в формате словаря мыслительных категорий и их отражения в языке [14, 15]. Проблематика составления тезаурусного идеографического словаря фокусируется, во-первых, на выделении рубрик и подрубрик, которые являются не логическим путем, а на основании анализа семантики

единиц языка, соотносятся с мыслительными категориями, а не субъективными выводами автора, и, во-вторых, на выборе типа связей слов, которые должен отразить словарь.

С ростом научного интереса к образным средствам языка появляются словари и словарные проекты, применяющие идеографический способ представления материала к лексике и фразеологии с метафорическим и иносказательным типом семантики. Данные словари описывают различные по своей структуре образные единицы языка: фразеологизмы [1], пословицы и поговорки [2], образные сравнения [3]; в том числе с учетом тематической, концептуальной и дискурсивной отнесенности описываемого материала [4–7].

Еще в 1990-е гг. В.Н. Телия был выдвинут тезис об оформлении фразеологической идеографии в самостоятельное направление, так как структура и материал именно фразеологических (шире – образных) словарей позволяет продемонстрировать специфический фрагмент языковой картины мира, связанный с метафорическим восприятием действительности носителями языка, проявить особенности культурно-национального мировидения и миропонимания, специфику их отражения в языке [21].

Идеографическое описание пищевой метафоры

Словарное описание пищевой метафоры реализовано в серии словарей, включающей трехтомный гнездовой «Словарь русской пищевой метафоры» (СРПМ) [8–10] и двухтомный идеографический словарь «Мир в зеркале пищевой метафоры», первый том которого опубликован [11], а второй готовится к выходу в свет в 2024 г. Согласно концепции авторов, пищевая метафора понимается как когнитивный феномен, заключающийся в осмыслении объектов и явлений различных сфер внеязыковой действительности по аналогии с явлениями сферы «Еда» (продуктами и блюдами, качествами и свойствами пищи, процессами и субъектами гастрономической деятельности, посудой и кухонными инструментами). В языке пищевую метафору выражают образные средства различной структуры: языковые метафоры (*выпотрошенный* ‘уставший, ослабленный’), собственно образные слова – метафорические дериваты (*распекать* ‘делать строгий выговор, отчитывать’), двухкомпонентные образные номинации (*медовый месяц* ‘первый месяц молодоженов после свадьбы’), сравнения (*как*

на блюде ‘о расположении каких-л. объектов на широкой плоской поверхности’), идиомы (*в чужом пиру похмелье* ‘неприятности, происходящие по вине других’), пословицы и поговорки (*не к тёще на блины ехать* ‘направляться в место, пребывание в котором опасно, связано с трудностями’).

В СРПМ словарные статьи объединяются в лексико-фразеологические гнёзда, вершинами которых являются наименования различных явлений гастрономической сферы – блюд и продуктов питания, их свойств, процессов приготовления и поглощения пищи, кухонных инструментов и т.д., – в их прямых значениях. Затем следуют словарные статьи, описывающие метафоры, сравнения и фразеологизмы, основанные на исходных гастрономических образах. Более подробно общая концепция гнездового «Словаря русской пищевой метафоры» охарактеризована в [22]. Макроструктура данного словаря построена по тематическому принципу: разделы и рубрики отражают классы явлений концептуальной области «Еда», выступающей источником метафорических образов (рис. 1).

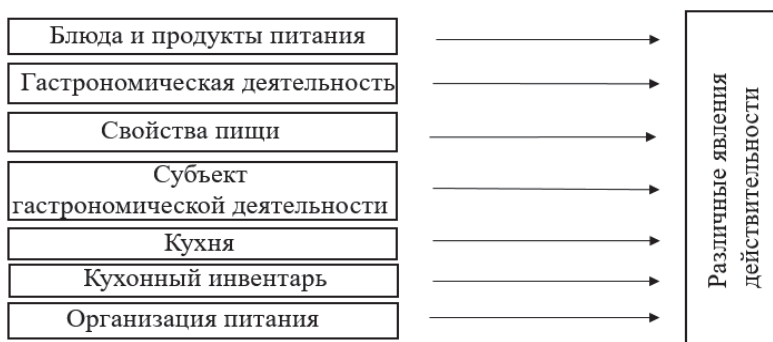

Рис. 1. Схема презентации пищевой метафоры в СРПМ

Идеографический словарь «Мир в зеркале пищевой метафоры» имеет иной принцип организации макроструктуры, ориентированный на отражение метафорической картины мира, в рамках которой различные явления жизни человека и общества получают языковые обозначения на основе аналогии с представлениями о еде, кулинарии, пищевых традициях, т.е. всем тем, что составляет пищевой код русской культуры. Следовательно, задача идеографического словаря –

системно представить сферы метафорического означивания, продемонстрировать объекты и явления внеязыковой действительности, составляющие денотативную сферу приложения русской пищевой метафоры (рис. 2).

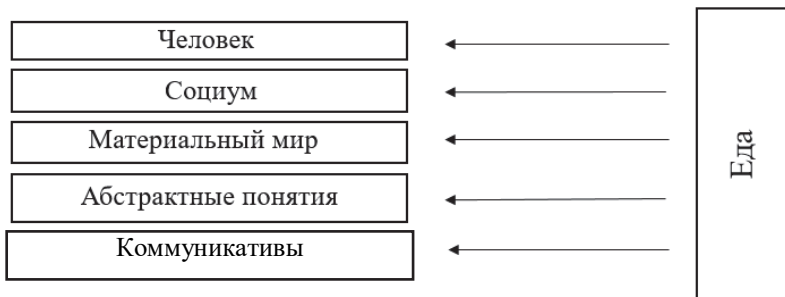

Рис. 2. Схема презентации пищевой метафоры в идеографическом словаре

Макроструктура идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры»

Существует два подхода к созданию синоптической схемы идеографического словаря: логический (дедуктивный) и эмпирический (индуктивный). По мнению Т.Г. Никитиной, дедуктивный метод может быть полностью оправдан для описания лексики «покрывающей понятийное пространство», но его применение для «фразеологии, известной своей избирательностью», вызывает сомнения [23. С. 72], в связи с чем предпочтительным оказывается индуктивное построение синоптической схемы фразеологического словаря-тезауруса [16. С. 40]. Данное утверждение полностью соответствует идеографическому описанию не только фразеологических, но и иных тропеических средств языка: метафорических, компаративных, аллегорических, символических, т.е. образных в широком смысле этого понятия. В этой связи для разработки синоптической схемы словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» был избран индуктивный подход, а следование разделов словаря соответствует количественному критерию по принципу убывания. Большая часть образных единиц характеризует явления сферы «Человек» (40%) и «Социум» (37%); остальные категории представлены меньшим количеством образных номинаций: «Ма-

териальный мир» (14%), «Абстрактные понятия» (7%), «Коммуникативы» (2%). Внутри рубрик подразделы представлены в логическом порядке в соответствии с принципом увеличения степени отвлеченности денотативной области означивания: от номинации и характеристики более конкретных свойств и явлений определенной сферы действительности – к номинациям с более высоким уровнем абстрагирования.

Материал идеографического словаря, как и гнездового, составили 3697 образных слов и выражений, собранных на основе опубликованных толковых и фразеологических словарей, а также в результате собственной выборки из лингвистических корпусов и открытых интернет-источников. Более половины образных единиц с исходной пищевой семантикой получили лексикографическую фиксацию впервые; все толкования предложены в авторских формулировках, снабжены системой функционально-стилистических и эмоционально-оценочных помет. Более подробно материал, его источники и способы словарного описания изложены в [8. С. 7–22; 24. С. 26–29].

В ходе семантического и контекстуального анализа образные языковые единицы гнездового словаря были распределены по тематическим группам, составляющим обширные идеографические кластеры. Это привело к тому, что слова и выражения, входящие в одно лексико-фразеологическое гнездо СРПМ, в идеографическом словаре оказываются включены в разные разделы. Например, языковые метафоры, идиомы и поговорки лексико-фразеологического гнезда *АППЕТИТ* распределяются по следующим группам: «Внешность человека» (*аппетитный* ‘привлекательный, соблазнительный, с пышными формами’), «Психика человека» (*волчий аппетит* ‘повышенный интерес, сильное влечение к чему-л.’), «Речь» (*аппетитно* ‘выразительно, оригинально, ярко, привлекательно (о словах, речи)’), «Экономика/Финансы» (*аппетит приходит во время еды* ‘желание получить прибыль, выгоду усиливается в процессе обогащения’) и «Культура» (*аппетитный* ‘интересный, увлекательный’).

Представим более подробно разделы и подразделы идеографического словаря, соответствующие его синоптической схеме.

Раздел 1 «Человек».

В подраздел 1.1 «Внешность» вошли образные единицы, называющие различные органы и части тела: кадык (*адамово яблоко*), ягодицы, бедра (*булки, окорочка*), уши (*пельмешком, вареники*), глаза (*глазное яблоко*), голову (*дыня, котелок*), колено (*коленная чашка*),

зубы (*молочные зубы*), волосы и причёску (*цвета перца с солью, каралька*) и др. Также к данной тематической группе относятся образные средства, дающие представление о типе фигуры (*груша, рюмочка*), размерах человеческого тела (*пышка, селедка*) и его частей (*нос картошкой, кадушки* ‘о полных, опухших ногах’), качестве кожи (*апельсиновая корка, как терка* ‘о неровной шершавой коже’); единицы, характеризующие тело или части тела как красивые (*вкусненький, сочный*) или некрасивые (*как баба на чайнике*).

Подраздел 1.2 «Гендерные и возрастные признаки» включает образные единицы, называющие мужчин (*крендель, перец*) или женщин (*малинник*), а также характеризующие представителей какого-л. пола по возрасту (*пожеванный, старая перечница* – о пожилых, *молочный, свеженький* – о молодых) и внешним данным (*крошка, персик* ‘молодая привлекательная девушка’). Наименования половой принадлежности и возраста человека были объединены в один подраздел, так как семантика и текстовая реализация многих единиц, транслирующих пищевую метафору, демонстрирует связь данных понятий. Например, языковые метафоры *перец, кекс* используются только по отношению к молодым людям; метафора *конфетка* описывает молодых и симпатичных девушек. Выражения, употребляющиеся в адрес пожилых людей, также имеют гендерную маркированность: *сморчок, старый мухомор / перец / хрен* и *старая кочерыжка, старая / чертова перечница*.

В подразделе 1.3 «Организм» посредством пищевой метафоры выражена оценка физического состояния человека, связанная с его хорошим самочувствием, энергичностью, бодростью (*в самом соку, на свежую голову*) или наоборот, потерей энергии, усталостью (*как варёная муха, выжатый как лимон*), ограниченными возможностями тела, физическими недостатками (*мало каши ел*). Практически все глаголы поглощения пищи (*грызть, есть, жрать, глодать* и др.) используются при описании ощущения боли, дискомфорта, негативного воздействия внешних факторов на самочувствие человека (*боль **вгрызлась** в левую ногу; шампунь **ест** глаза*), разрушительного действия болезни на организм (*болезнь **гложет**; рак его **дожирает**; болезнь **заела***), следов болезненного состояния на теле человека (***изъеденное** оспой лицо; **изглоданное** недугом лицо*).

Подраздел 1.4 «Физические действия» охватывает образные языковые средства, называющие различные действия, совершаемые че-

ловеком посредством движения частей лица и тела: пристальный взгляд (*введливый, пожирать глазами*), поцелуй (*засосать, лизаться*), бег, быструю ходьбу, сложные движения (*выделявать кренделя, жарить* 'быстро и интенсивно идти, бежать'), агрессивные физические действия, направленные на другого человека (*настучать по щам, сделать котлету*) и др.

Подраздел 1.5 «Психика» включает лексику и фразеологию, квалифицирующую различные виды чувств и эмоций, их интенсивность, эмоционально-психическое состояние человека, внешнее проявление эмоций. Положительные эмоции и чувства, описываемые в терминах сферы «Еда», а также состояние испытывающего их человека связаны с интересом к каким-л. явлениям жизни, желанием заниматься какой-л. деятельностью (*жажда, как кот на сметану*), радостью, удовольствием, удовлетворением от какого-л. дела (*сиять как начищенный самовар, маслом по сердцу*), симпатией к кому-, чему-л. (*прийтись по вкусу, прикипеть всем сердцем*). Негативные чувства, обозначенные посредством пищевой метафоры, включают раздражение, досаду (*хуже горькой редьки, вьестся в печенки*), тревогу, беспокойство (*чувствовать себя не в своей тарелке, угрызение*), сожаление по поводу нереализованных возможностей (*грызть локти*) страдания, печаль (*испить горькую чашу до дна, нахлебаться*), обиду (*дуться какмыш на крупу, сглатывать обиду*), зависть (*жаба гложет*), безразличие, потерю интереса к жизни (*закиснуть, наестся*), неприятие (*не переваривать*). Также в данную группу входит лексика, называющая совокупность различных чувств и эмоций (*окрошка / коктейль / чаша*).

К этому подразделу относятся единицы, описывающие внешнее проявление отрицательных эмоций через мимику, движения (*кваситься, будто лимон разжевал*), интенсивность проявления эмоций (*кипеть как чайник, сыт по горло*). Тематическая группа «Психика» включает процессуальную пищевую метафору, выраженную через глаголы поглощения, которые в сочетании с лексикой негативного эмоционального состояния демонстрируют степень охваченности человека данными ощущениями (*вместо хлеба вкушает ненависть; крепла злость, вливаясь в мозг; грызло что-то внутри; беспокойство и тоска изъели меня; переварила этот ужас*).

Подраздел 1.6 «Мышление» включает образные слова и выражения, которые называют абстрактные понятия интеллектуальной сфе-

ры (идея, мысль, смысл, информация), а также характеризуют возможности человека получать, воспринимать, обрабатывать, запоминать, воссоздавать и производить сведения. Пищевая метафора выражает оценку интеллектуальным способностям человека (*щелкать как орешки, не лаптем щи хлебать*), характеризует восприятие, усвоение какой-л. информации (*впитать с молоком матери, хавать*), чтение (*глотать, жевать*), понимание получаемой информации или ее некритичное принятие (*всосать, проглатывать*), процесс обдумывания, анализа (*варить, месить как тесто*), обучение (*грызть гранит науки*), запоминание (*впитаться, свежий*), результаты интеллектуальной деятельности (*высосать из пальца, мешать божий дар с яичницей*), передачу информационных данных, толкование чего-л. (*начинать, разжевать и в рот положить*).

Подраздел 1.7 «Характер и поведение» включает образные единицы, характеризующие такие качества человека, как лезть (*лизоблюд, медоточивый*), формализм, дотошность (*буквоедство, въедливый*), высокомерие (*гордыня заела*), лень (*груши околачивать, дармоед*), насмешливость (*едкость, перец*), пассивность, нерешительность (*жевать сопли, квашня*), привередливость (*зажраться*), изнеженность (*ванильный, зефирный*), равнодушие (*черствый, сухарь*), жестокость (*кровотийца, людоед*), конфликтность (*не сахар*), похоть (*масленный, пожиратель сердец*). Из положительных качеств, представленных посредством пищевой метафоры, можно выделить деятельность, активность (*кипучий*), целеустремленность (*крепкий орешек*) и гостеприимство (*хлебосольный*). Помимо наименований индивидуальных и поведенческих особенностей личности в данную тематическую группу входят языковые единицы, называющие процесс приобретения под влиянием социального окружения каких-л. качеств (*всосаться в плоть и кровь, закваска*), совокупность определенных свойств (*война вытряхнула из него мальчишескую начинку*), сходство или различие поведенческих норм людей (*из иного теста слеппен, одного поля ягодки*).

Языковые единицы подраздела 1.8 «Речь» характеризуют речевые произведения, четкость и корректность произношения, ясность и занимательность выражения мысли, качество излагаемой информации. Обозначается эстетическая значимость слов и речевых произведений, связанная с их выразительностью (*вкусный, сладкозвучный*), непристойностью (*пряный, сальный*), наличием смысловых повторов (*масло*

масляное). Помимо образных средств, характеризующих речь, в данный подраздел включены единицы, демонстрирующие способность субъекта внятно излагать свои мысли (*глотать звуки, каша во рту*), произносить слова с определенной скоростью (*молотить, словно семечки щелкать*), получать ответы на интересующие вопросы (*выпоить, высасывать*).

В подраздел 1.9 «Социальное положение» включены единицы, характеризующие высокое или низкое положение человека, связанное с наличием или отсутствием материальных благ (*сливки общества, пербиваться с хлеба на воду*), отношение субъекта к какой-л. социальной группе (*баланду хлебать*), роль в семье (*муж объелся груш, отрезанный ломоть*), наличие жизненного и профессионального опыта (*вновь испеченный, тертый калач*).

Тематическая группа 1.10 «Профессиональная деятельность» связана с наименованием профессиональных качеств (*мясник ‘хирург’, свежая голова ‘литературный сотрудник редакции газеты’*) и специальных действий (*варить ‘изготавливать металл путем плавления руды’, жарить ‘вести обстрел’*).

Раздел 2 «Социум».

Подраздел 2.1 «Политика и вооруженные конфликты» объединяет образные единицы, называющие города (*Большое Яблоко*) и страны (*Банановая республика*), государства или регионы, отличающиеся расовым, национальным или религиозным многообразием (*коктейль, котел*), пространство и субъектов политической деятельности (*политическая кухня, повар*), виды политического режима (*вегетарианский, людоедство*), нестабильные события внутренней жизни государства (*каша заварилась, марш пустых кастрюль ‘демонстрация протеста’*), коррупцию (*прикормить, кормление*). Пищевая метафора, выраженная посредством глаголов поглощения и приготовления пищи, описывает подчинение других государств, военный захват территорий (*заглотить, откусить*), разрушительный характер боевых действий (*крошить, перемолотить*).

В подраздел 2.2 «Экономика» входят образные единицы, характеризующие материальное положение и экономические процессы, связанные не только с жизнью государства, государственных деятелей, но и частного человека как представителя социума. Пищевая метафора используется для обозначения самих материальных ресурсов: денег, льгот, выгодных условий (*коврижки, навар*), а также для квали-

фикации различных объектов с позиции их экономической привлекательности, возможности получения большой выгоды (*вкусный, лакомый кусок*) или, напротив, требования больших финансовых вложений, расходования денежных средств (*бездонная бочка, сжирать*). Оценивается благосостояние человека или предприятия (*дом – полная чаша, сосать лапу*), стремление к обогащению или недостаток благосостояния (*аппетит, голодать*). В данную рубрику также входят единицы, описывающие различные ситуации, касающиеся отношений между субъектами экономической деятельности, видов распределения средств между ними: изъятие денег, имущества, льгот, присвоение ресурсов (*выжимать все соки, жиреть*), неравномерное разделение благ (*бросить кость, остатки с барского стола*), приобретение средств (*жрать пайку, зарабатывать на хлеб с маслом*), конкурентную борьбу (*закусить, поглотить*), способы хранения денег (*общий котел, класть яйца в одну корзину*).

Подраздел 2.3 «Культура» включает образный языковой материал, описывающий речевые и художественные произведения с позиции их эстетической значимости, оригинальности содержания, манеры представления (*ванильный, деликатес*), стилистической окраски (*соленый, сборная солянка*), характера содержания (*клубничка, духовка*), объема (*крохотка*); называющий совокупность элементов произведения (*варево, коктейль*), сами произведения или программы (*кушанье, капустник*). Помимо слов и выражений, характеризующих объекты культуры, в данный подраздел входят единицы, описывающие субъекта творческой деятельности, его способности давать адекватную эстетическую оценку произведению искусства, определять его значимость (*безвкусие, гурман, пипл хавает*), отражены номинации процессов культурной сферы, которые связаны с созданием произведений (*стряпать, печь*).

Подраздел 2.4 «Межличностные отношения» описывает взаимодействие между членами семьи, друзьями, влюбленными, знакомыми, соседями, коллегами, конкурентами в профессиональной деятельности. Как правило, в семантике единиц данной группы выражен характер отношений: конкуренция (*поедание*), конфликт (*грызня, подлить масла в огонь*), критика (*закидать тухлыми помидорами*), подавление (*грызть печень, выжимать все соки*), обособленность (*вариться в собственном соку, жить в скорлупе*), любовь (*конфетно-букетный период, медовый месяц*), опека (*кормить с ложки*), дружба (*съесть пуд соли, из одного котелка хлебать*) и т.п.

Подраздел 2.5 «Социальная деятельность» объединяет образную лексику и фразеологию, относящуюся к характеристике трудовой и общественной деятельности человека, а также социальных явлений, в которых человек принимает активное или пассивное участие. Образные средства языка, отражающие пищевую метафору, характеризуют активную вовлеченность человека в профессиональную деятельность (*не боги горшки обжигают, работа кипит*), деятельность, направленную на получение выгоды, достижение определенных целей (*кто не рискует, тот не пьет шампанского; обстряпать дело*), преодоление жизненных трудностей (*пройти сквозь сито, пройти как нож сквозь масло*), бессмысленную работу (*носить воду решетом, толочь воду в ступе*), обеспеченность какой-л. отрасли трудовым коллективом, новыми специалистами (*подпитать, печь*), а также праздно времяпрепровождение (*баловаться плюшками, колбаситься*).

Подраздел 2.6 «Жизненный опыт» посвящен лексикографическому описанию образных единиц (преимущественно мотивированных наименованиями поглощения пищи), номинирующих процесс получения жизненного опыта человеком, роль различных жизненных ситуаций в становлении характера человека, его поступки (*вкусил заслуженную славу; испить нестерпимую желчь унижения; наглопавшись демократической вольницы*). Также в данный подраздел были отнесены пословицы и поговорки, демонстрирующие нормы общественного поведения, закономерности происходящих событий (*рыба гниет с головы; все перемелется – мука будет; кашу маслом не испортить; поздно пить боржоми, когда почки отвалились*).

В подразделе 2.7 «Социальная коммуникация» собрана лексика и фразеология, называющая сведения, получаемые человеком из СМИ или других источников (*жареные факты, развесистая клюква*), характер коммуникации между людьми (*банан в ухе, вешать лапшу на уши, тёрки*).

Раздел 3 «Материальный мир».

Подраздел 3.1 «Живая природа» объединяет лексику и фразеологию, характеризующую животных (*лимонница*) и растения (*кувшинка*). По аналогии с продуктами питания описывается форма (*чашелистик*), плотность (*мучнистый, мясистый*) частей растений. В данный подраздел также входят номинации ухода за растениями (*питать, подкармливать*).

В подраздел 3.2 «Натурфакты» были включены образные средства, называющие различные природные явления: небесные тела (*как блин, ковш*), водоемы и бурлящие водные потоки (*как блюдечко, кипучий, котел*), туман (*кисель, как молоко*), снег, дождь (*крупка, как сквозь сито*), грязь (*раскваситься, размазня*), жару (*как духовка, припек*) и т.п.

Языковые единицы подраздела 3.3 «Артефакты» характеризуют различные объекты вещного мира на основании их сходства с продуктами питания по форме (*банан* ‘надувной водный матрас’, *баранка* ‘рулевое колесо автомобиля’, *кастрюлька* ‘шляпа’), цвету (*вареный* ‘о джинсовой одежде с разводами’, *на манной каше* ‘о ботинках на белой подошве’), характере поверхности (*вафельный* ‘вытканый в мелкую рельефную клеточку’), особенностях строения (*начинка* ‘внутреннее техническое устройство приборов’, *фарш* ‘комплектация автомобиля’) и др.

В состав подраздела 3.4 «Физические явления и процессы» входят слова и выражения, называющие действия и процессы, относящиеся к широкому кругу явления и предметов: *впитаться* ‘воткнуться острием во что-л.’, *съесть* ‘разрушать/разрушить поверхность, структуру вещества посредством процесса окисления, трения, высокой температуры’, *прогрызть* ‘проделать/проделывать углубление, проход в чем-л.’ и т.п.

Единицы подраздела 3.5 «Свойства материальных объектов» характеризуют размер (*с рисовое зернышко, с апельсин*), объем (*сдобный, расквашенный*), форму (*чашечка, как лепешка*), структуру (*сахаристый, крупитчатый*), плотность (*как масло, зачерстветь*), вес (*жержнова*), качество поверхности (*похожий на сито, пожеванный*) различных объектов.

Материал подраздела 3.6 «Звук» описывает звучание предметов или голоса человека, квалифицируя насыщенность, громкость (*смачный, мясистый*), особенности звучания (*чавкать, пыхтеть как самовар*), способность вызывать у слушающего эстетическое наслаждение (*малиновый звон, медовый*) или раздражение (*уксусный*).

Образные единицы подраздела 3.7 «Запах и вкус» демонстрируют связь между обонятельными и вкусовыми рецепторами. Как правило, приятные и неприятные запахи описываются посредством лексики, характеризующей вкус продуктов (*приторный, кислый, горький, вкусный, сладкий* и т.п.).

Раздел 4 «Абстрактные понятия».

В подразделе 4.1 «Пространство» собрана лексика и фразеология, характеризующая ландшафт (как *блин/скатерть* ‘о ровном открытом пространстве’, *чаща* ‘окруженная горами низменность’), форму дороги (*бутылочное горлышко, развилка*), температуру в помещении или определенной местности (как в *морозильнике, как сковорода*), а также расположение (как на *блюде, болтаться как сосиска*), передвижение (*всосаться* ‘оказаться внутри какого-л. пространства’, *проглатывать километры*) и количество (как *кильки в банке, наипитывать, яблоку негде упасть*) объектов в пространстве.

Подраздел 4.2 «Время» включает образные слова и выражения, в семантике которых отражена характеристика продолжительности течения времени (до *морковкина заговенья, как мед* ‘о медленном течении времени’), безотлагательных действиях (по *свежим следам, с пылу с жару*), давних событиях (при царе *Горохе, сто лет в обед*).

К рубрике 4.3 «Мера» относятся единицы, называющие числа и цифры (*баранка* ‘ноль’, *банан* ‘единица’, *лимон* ‘миллион’), предел, полноту чего-л. (до *последней крошки, пересолить*), большой или чрезмерно маленький объем (как *каша в волшебном горшочке, по чайной ложке*), отсутствие чего-л. (*фига с маслом, дырка от бублика*).

В подразделе 4.4 «Ценность» собрана лексика, характеризующая явления внеязыковой действительности с позиции их важности, значимости (*изюминка, ложка меда в бочке дегтя*) или ненужности, тривиальности (*быть нужным, как свинье апельсины, выведенного яйца не стоит*).

Подраздел 4.5 «Существование» включает образные единицы с семантикой возникновения (*давать пищу / подпитывать* ‘служить источником возникновения чего-л.’), появления в большом количестве (*расти как на дрожжах; появляться, как грибы после дождя*), исчезновения (*таять, как сахар в чае; будто корова языком слизнула*).

Заключительный раздел 5 «Коммуникативы» представлен устойчивыми единицами диалогической речи, которые, как правило, не несут дополнительного содержания, а используются для эмоциональной реакции на фразу собеседника: похвалы (*молодец, как солёный огурец*), недоумения, негодования (*с каких щей?*), недоверия (*свежо предание*), превосходства (*съел?*), нежелания продолжать беседу (*катись колбаской, скатертью дорога*). Данные выражения также могут нести в себе семантику одобрения, согласия с мыслями говорящего (в

яблочко, как пить дать, ясен перец), отказа (*накося выкуси*), подведения итога (*вот такие пироги*). Некоторые из представленных в разделе единиц являются рифмованным ответом на предыдущее высказывание (вопрос): *ну – баранки гну, потом – суп с котом, почему – по кочану*.

Внутри каждого подраздела слова и выражения располагаются в алфавитной последовательности, чтобы облегчить поиск языковой единицы внутри одной тематической группы. При расположении сравнительных оборотов, начинающихся с *как / будто / точно* и т.п., компаративный элемент не учитывается. Раздел «Человек» полностью и часть раздела «Социум» («Политика и вооруженные конфликты», «Экономика» и «Культура») представлены в опубликованном первом томе идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» [11].

Предложенная макроструктура идеографического словаря позволяет не только объединить лексику и фразеологию одной тематической группы внутри одного подраздела, но и сгруппировать синонимы и антонимы, которые в гнездовом «Словаре русской пищевой метафоры» находились в разных частях или в разных томах словаря. Например, синонимичные слова и выражения *аппетитный, вкуснятина, лакомое блюдо, пряность, приправа, сочный, сочность* описывают интересные художественные произведения и оригинальные, выразительные детали, а противоположные им по смыслу *безвкусица, безвкусный, зажеванный, кашка, кислятина, клюква, манная каша, пресный, пресность, размазня, сухомытка, тухлый* характеризуют скучные, шаблонные, не наполненные глубоким смыслом художественные и речевые произведения. Указанные единицы в гнездовом словаре представлены разрозненно (в 1-, 2- и 3-м томах), а в идеографическом относятся к одному подразделу 2.3 «Культура». Наглядно подобные синонимико-антонимические комплексы представлены в словарной зоне «Типовые образные представления», расположенной в словаре в завершающей части каждого подраздела.

Приведем в качестве примера одно из типовых образных представлений подраздела 2.2 «Экономика».

«Прибыльный бизнес, большая сумма денег, дорогая недвижимость и другие блага, которые материально обеспечивают своего владельца, образно ассоциируются с питательными, калорийными продуктами, насыщающими человека (*жирный, жирный кусок, жирный пирог, зарабатывать на хлеб с икрой, кусок пирога, снимать сливки*)» [11. С. 427].

В первой части дефиниции перечислены варианты материальных благ, которые ассоциируются с объектами пищевой сферы; далее представлено основание уподобления – экономически ценные объекты обеспечивают человека, подобно тому, как калорийные продукты делают человека сытым, в конце дефиниции указаны гастрономические явления, образы которых участвуют в данном представлении (калорийные, питательные продукты), и дается список соответствующих образных единиц.

В качестве примера микроструктуры идеографического словаря приведем некоторые словарные статьи из подраздела «Звук» в готовящемся к публикации втором томе.

Фрагмент идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры»

3.6 Звук

как в БОЧКУ / в БОЧКЕ / из БОЧКИ. В сравн. Разг. О гулком, отчетливом, громком звуке. *Экспр.* – А теперь басы, Михайлов, например, – в 40 лет уже гудит **как в бочку**; настолько пропиты басы (В. Бибихин. Алексей Федорович Лосев. Записи 1970–1973). Лидия поняла, что здесь, под круглой крышей, такая акустика, **как в бочке** (О. Некрасова. Платит последний). Машина тронулась, пес выскочил, и Игорь послышал ему на прощанье. Буран гавкнул один раз – солидно, **как из бочки** (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости).

ВАРЁНЫЙ. ЯМ. Выражающий слабость, неуверенность (о голосе). *Экспр.* – Лицо вождя было румяно, в глазах над вальяжными мешочками мерцали словно бы лекарственные капли. – Здравствуйте, – **вареным** голосом сказал он. Общая тишина только подчеркнула неуверенность его голоса (С. Шаргунов. Чародей).

будто ВЗБИТЫЕ СЛИВКИ. Авт. сравн. О нежном голосе, приятном на слух. *Экспр.* – Голос у него был низкий и нежный, **будто взбитые сливки** (М. Баконица. Школа двойников).

ЖИРНО. ЯМ. Громко, звучно. *Экспр.* – Вроде бы все то, но звук какой-то вялый, неяркий, как будто чего-то не хватает. В то время как на «фирменных» записях даже синусоида звучит **«жирно»** («fabr.com»).

ЗАЧАВКАТЬ, сов. ЯМ. Начать издавать шум, напоминающий характерный звук, производимый при жевании. – В музей, – велел Ангел водителю. Машина **зачавкала** по тающему снегу (И. Бахтина. По пути в никуда).

СЛАДКОГЛАСЫЙ / СЛАДКОГОЛЫСЫЙ. СО. Обладающий приятным, нежным голосом. *Экспр. Одобр.* – Весь этот хейт Самойловой – это за гранью. Ну да, не Монсеррат Кабалье и номер так себе, но что все, интересно, думали – она там как Гагарина, ангел **сладкогласый** светлокудрый, блистать будет?! («sevastopol.su»). В мае следующего года, когда **сладкоголосые** соловьи поселились в яблоне и тонким и протяжным щебетом охватили пространство участ-

ка, Люба начала разговаривать с бригадами о стоимости работ, сроках и технологиях (В. Харченко. Домик-пряник).

Типовые образные представления:

1. Нежный голос, мелодичное звучание, доставляющие акустическое удовольствие слушающему, образно ассоциируются со сладкими, приятными на вкус продуктами, доставляющими гастрономическое удовольствие (*вкусный, медовый, сахарный, сдобный, сладкий, сладко, сладковатый, сладкогласие, сладкогласно, сладкогласный, сладкогласый, сладкоголосый, сладкозвучие, сладкозвучность, сладкозвучный, сладостно*).

2. Гулкий, долго не смолкающий, будто сопровождающийся эхом звук метафорически уподобляется звуку, исходящему из объемной пустой посуды (*как из бочки*), издаваемому при выходе газов из желудка через рот (*рыгать*).

3. Громкий, отчетливый, интенсивный звук, сильный голос образно ассоциируется с плотными (*мясистый*), насыщенными жиром или соком продуктами (*жирный, жирно, смачно, смачный, сочный, сочно, сочность*).

4. Различные звуки, связанные с шипением, пытением, хлопанием, метафорически уподобляются подобным звукам, производимым при приготовлении пищи (*пытеть, как самовар; шипеть, как на сковороде*) или ее поглощении (*зачавкать, чавкать, чавканье*).

Включение типовых образных представлений в структуру идеографического словаря позволяет продемонстрировать характерные для русской лингвокультуры аналогии между пищей и различными объектами реальности, а также описать устойчивые модели, по которым те или иные явления и процессы определенной сферы действительности номинируются по ассоциации с гастрономическими образами.

Заключение

Словарный проект идеографического описания русской пищевой метафоры подходит к завершению. Результатом стали новаторские по своему замыслу и реализации словари, демонстрирующие целостный в концептуальном и языковом планах фрагмент общеязыковой образной системы [25]. Пищевая метафора в силу своей дискурсивной востребованности, яркой образности и экспрессивности, многообразия языковых репрезентаций не только в русском языке, но и во многих языках мира, может служить показательным примером для демонстрации когнитивных и собственно языковых механизмов образного ассоциирования и метафорического означивания. Экспликация скрытых закономерностей организации образного строя языка, а также детальное и многоаспектное изъяснение образного лексико-

фразеологического фонда, демонстрирующего метафорическое функционирование пищевого кода культуры в русском языке, составляли главные задачи авторов-лексикографов.

Разработанная концепция идеографического словаря пищевой метафоры вносит вклад в теорию лексикографического описания образного фрагмента языковой картины мира. Выстроенная индуктивным методом классификационная схема словаря может применяться в других словарных проектах подобного типа, а также быть использована в качестве основы для сопоставительных исследований, при выявлении основных сфер образного означивания в русской лингвокультуре, а также при описании образных средств языка, отражающих другие концептуальные метафоры.

Список источников

1. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник : ок. 1 500 фразеологизмов. М. : Рус. яз., 1997. 845 с.
2. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-Пресс Книга, 2021. 736 с.
3. Мокиенко В.М. Ключевые концепты русских устойчивых сравнений (опыт идеографического словаря) // язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т. 2015. С. 120–125.
4. Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М. : Дело и Сервис, 2001. 207 с.
5. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов. Лингвокультурологический словарь / под ред. Е.А. Юриной / А.В. Боровкова (Балдова), М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Н.В. Захарова, Н.С. Зинченко, Е.А. Юрина. Кокшетау : КГУ имени Ш. Уалиханова, 2014. 196 с.
6. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
7. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М. : Мир энциклопедий, Аванта+, 2007. 1135 с.
8. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова (Балдова), М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
9. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 2: Гастрономическая деятельность / А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 546 с.
10. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 3: Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности / А.В. Балдова, М.В. Герасимова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 454 с.

11. *Мир в зеркале пищевой метафоры*. Т. 1 / А.В. Балдова, М.В. Герасимова, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. 514 с.
12. *Словарь ассоциативных норм русского языка* / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Изд-во МГУ, 1977. 190 с.
13. *Русский ассоциативный словарь*. Книга 1 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов [и др.]. М. : Помовский и партнеры, 1994. 224 с.
14. *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. М. : Изд-во ЭТС, 1995.
15. *Тематический словарь русского языка* / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; под ред. В.В. Морковкина. М. : Рус. яз., 2000.
16. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Русская фразеология в идеографическом представлении // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии / отв. ред. М.И. Чернышева. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. С. 38–49.
17. *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь* / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2017. 1020 с.
18. *Бабенко Л.Г.* Перспективы развития идеографической лексикографии в контексте Уральской семантической школы: о концепции словаря синонимико-антонимических комплексов русского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2020. № 1. С. 132–149.
19. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов: уникальный проект лексикографов Уральской семантической школы // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии. Международная коллективная монография / отв. ред. М.И. Чернышева. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. С. 15–37.
20. *Большая российская энциклопедия, 2004–2017*. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 06.10.2023).
21. *Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от миропонимания к миропониманию) // Славянское языкознание. XI съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 302–324.
22. *Юрина Е.А.* Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: опыт лексикографической презентации // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 63–80.
23. *Никитина Т.Г.* К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 68–82.
24. *Балдова А.В., Грекова М.В.* Проблемы описания метафорической семантики в словаре: фиксация новых значений и унификация толкований // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 24–49.
25. *Юрина Е.А.* Лексикографическое моделирование образной системы языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 195–205.

References

1. Yarantsev, R.I. (1997) *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow: Russian language.
2. Zimin, V.I. (2021) *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions]. Moscow: AST-PRESS BOOK.
3. Mokienko, V.M. (2015) [Key concepts of Russian stable comparisons (experience of an ideographic dictionary)]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. Proceedings of the XIII MAPRYAL Congress. pp. 120–125. (In Russian).
4. Kozlova, T.V. (2001) *Ideograficheskiy slovar' russkikh frazeologizmov s nazvaniyami zhivotnykh* [Ideographic dictionary of Russian phraseological units with names of animals]. Moscow: Delo i Servis.
5. Yurina, E.A. (ed.) (2014) *Russkaya pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov. Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian food tradition in the mirror of linguistic images. Linguistic and cultural dictionary]. Kokshetau: KSU named after Sh. Ualikhanov.
6. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Slovar' russkikh politicheskikh metaphor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
7. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (2007) *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki* [Thesaurus dictionary of modern Russian idioms]. Moscow: World of Encyclopedias, Avanta+.
8. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory. Tom 1: Blyuda i produkty pitaniya* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
9. Yurina, E.A. (ed.) (2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
10. Yurina, E.A. (ed.) (2019) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
11. Yurina, E.A. (ed.) (2020) *Mir v zerkale pishchevoy metafory* [The world in the mirror of food metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
12. Leont'ev, A.A. (1977) *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow: State University.
13. Karaulov, Yu.N. (ed.) (1994) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
14. Baranov, O.S. (1995) *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: ETS.
15. Morkovkin, V.V. (ed.) (2000) *Tematicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Thematic dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (2022) [Russian phraseology in ideographic representation]. In: Chernysheva, M.I. (ed.) *Sovremennoye razvitiye slavyanskoy leksikologii i leksikografii* [Modern development of Slavic lexicology and lexicography]. Moscow: V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language, RAS. pp. 38–49.

17. Babenko, L.G. (ed.) (2017) *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevyye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): slovar'* [Conceptosphere of the Russian language: key concepts and their representations in language and speech (based on vocabulary, phraseology and paremiology): dictionary]. Moscow: Azbukovnik.

18. Babenko, L.G. (2020) Perspektivy razvitiya ideograficheskoy leksikografii v kontekste Ural'skoy semanticheskoy shkoly: o kontseptsii slovary sinonimiko-antonimicheskikh kompleksov russkogo yazyka [Prospects for the development of ideographic lexicography in the context of the Ural semantic school: on the concept of a dictionary of synonymous-antonymic complexes of the Russian language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 1. pp. 132–149.

19. Babenko, L.G. (2022) [Large explanatory ideographic dictionary of synonymous-antonymic complexes: a unique project of lexicographers of the Ural Semantic School]. In: Chernysheva, M.I. (ed.) *Sovremennoye razvitiye slavyanskoy leksikologii i leksikografii* [Modern development of Slavic lexicology and lexicography]. Moscow: V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language, RAS. pp. 15–37.

20. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. (2004–2017). [Online] Available from: <https://old.bigenc.ru>

21. Telia, V.N. (1993) [Cultural and national connotations of phraseological units (from worldview to worldview)]. *Slavyanskoye yazykoznanie* [Slavic linguistics]. XI Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation. Moscow. pp. 302–324.

22. Yurina, E.A. (2013) Russian food tradition in the mirror of linguistic images: experience of lexicographical presentation. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). pp. 63–80. (In Russian).

23. Nikitina, T.G. (1995) K voprosu o klassifikatsionnoy skheme frazeologicheskogo ideograficheskogo slovary [On the classification scheme of the phraseological ideographic dictionary]. *Voprosy yazykoznanija*. 2. pp. 68–82.

24. Baldova, A.V. & Grekova, M.V. (2018) Problems in describing metaphorical semantics in a dictionary: new meanings recording and interpretations unification. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 24–49. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/14/2

25. Yurina, E.A. (2023) Leksikograficheskoye modelirovaniye obraznoy sistemy yazyka [Lexicographic modeling of the figurative system of language]. *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie*. 3 (15). pp. 195–205.

Сведения об авторах:

Юрина Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия); профессор кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yurina2007@yandex.ru

Балдова Анастасия Вячеславовна – канд. филол. наук, доцент Отделения русского языка Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Elena A. Yurina, Dr. Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation); professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Anastasiia V. Baldova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.01.2024;
одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 01.03.2024.*

*The article was submitted 10.01.2024;
approved after reviewing 08.02.2024; accepted for publication 01.03.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит четыре раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – С.С. Земичева.

E-mail: lexikograph2020@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2024. № 31

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 01.03.2024 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 6,6; усл. печ. л. 6,1. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5806.

Дата выхода в свет 20.03.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru